

ЕЛЕНА МАЛАХОВА

БЛЕДНЫЙ ЛУЧ

Классический роман

12+

Елена Валентиновна Малахова

Бледный луч

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41856718

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0662-8

Аннотация

История любви и траур надежд юной Эммы О'Брайн, вышедшей замуж за молодого врача и полюбившей актёра. Запутанные тропы к славе великого писателя Роберта Харли. Профессиональное испытание Фрэнка О'Брайна и подведенные итоги Мэри Блэкшир – во всём этом мелькает бледный луч познания жизни. Найдут ли они пути к собственным звёздам?

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	12
3	24
Часть вторая	32
1	32
2	44
3	54
4	62
5	78
6	86
7	93
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Для оформления обложки использовался фото-коллаж автора, созданный на основе иллюстраций Чарльза Дана Гибсона.

«Иногда я думаю, жаль, что зеркала не имеют разговаривать. Может, если б кто-то напоминал нам, какие мы на самом деле неидеальные, себялюбие наше замещалось бы снисхождением к греховности других.»

Мэри Блэкшир

Посвящается У. С. Моэму

Часть первая

1

1926

Луиза Морган ожидала гостей в холле, где обычно проводила светские рауты. Не было острой нужды в торжественности приёма, поскольку намечался всего лишь приезд немолодой Мэри Блэкшир – давней знакомой, повенчанной с хозяйкой дома узами приятельских отношений. Вызвав Мэри спешным письмом, Луиза нетерпеливо шныряла от окна к окну – которых, на счастье душевного благосостояния, в гостиной насчитывалось четыре – чтобы не упустить из виду ни один автомобиль, несущийся мимо дома прытью десятков лошадей. Её голова обременялась смутой размышлений, навязанных ей дочерью Эммой. Она не могла сыскать себе места от волнения, нагнетенного теми последствиями, что казались так очевидны ей и были незаметны для её дочери, изложившей двумя часами ранее цели слепого наваждения. А что бы это могло быть, если не наваждение того прелестного возраста, в котором путается всякий, начинающий путь с апломба, что сознаёт ради чего поступает тем или иным образом?

Луиза задернула занавесь, ругаясь мысленно, что дама её

солидного положения не должна вести себя, как юная девица, не располагающая терпением. Ведь пожилые монументы поколений только и твердили о том, что успех любого предприятия по большей части зависит от терпеливости и строгих манер. Она ещё раз критично обвела просторную комнату с высокими потолками, белыми, как искристый снег; стены, украшенные панелями и картинами Чонтвари¹ со вкусом нового столетия, захватившего мир в круг утонченного искусства; посмотрела на золотистые люстры и столы с мозаикой маркетри; викторианские кресла, удобные и ёмкие, ни капли не стесняющие просторы зала. Потом метнулась взглядом к вышитым её умелой рукой подушечкам, чтобы убедиться, правильно ли они лежат. Оплотать перед Мэри никак нельзя. Вдруг, взглянув на неопрятную обстановку (в которой, между прочим, Луизу ни в коем разе не обвинить, но она уже ни в чём не была уверена), миссис Блэкшир приговаривает дом Морганов к гибели. И, используя только жгучие словечки в адрес хозяев, ясно изложит, какая ипостась уготована каждому из древнего рода Морган.

Луиза почувствовала слабость в ногах, и только доклад слуги о прибытии гостя мог уберечь её от обморока. Ко всему прочему в комнате спирала духота, и распахнутые ставни приносили в дом ещё больше зноя. Она подумала, как плохо, что в летний сезон не отправилась на воды, где жара перено-

---

¹ Тивадар Костка Чонтвари (1853 – 1919 гг.) – [венгерский художник](#)-самоучка, по стилю близкий к экспрессионизму.

сится лучше и не доставляет свирепого дискомфорта.

Наконец, вошёл лакей и объявил, что прибыли миссис Блэкшир и мистер Грэй. Пропустив мимо ушей имя последнего, Луиза приложила руку к груди и вздохнула с таким невероятным облегчением, что длинный тощий слуга глядел на неё в лёгком недоумении. Видя, как непристойно обнажила подспудные чувства, она тут же собралась, выпрямилась и сложила вместе ладони подобающим жестом позерства. Голос её чревовещал строгостью.

– Пригласи и вели подавать охлажденные напитки.

Лакей скрылся, а минутой позже появились двое обозначенных гостей.

Миссис Блэкшир вплыла в комнату несуразной перебирающей походкой в туалетах, сильно перетягивающих её толстое тело. Она была не только без меры упитанной, но и слишком высокой для английской леди. Всегда выставляла вперёд подбородок и держала спину прямо, а также любила сидеть в развязной позе, помогающей, согласно её словам, держать осанку. Поза та заключалась в скрещивании ног между собой; при этом Мэри перекидывала одну ногу на другую так высоко, что плотные икры вываливались из-под края длинного платья и очень гадливо выглядели.

Сегодня Мэри Блэкшир не поскупилась одеть жемчуга и выбрала красный цвет платья, который в глазах Луизы виделся цветом крови и боли – непоправимых последствий скандала для семьи Морган. Луиза подала руки миссис Бл-

эксир, и та воскликнула.

– Вы, дорогая моя, так бледны, что вам не помешало бы прибегнуть к пудре и румянам.

Миссис Морган отметила про себя, что Мэри, несмотря на свои сорок пять лет походила на все сорок девять при нерациональном применении косметических средств. У неё были полные припухлые губы; правильный красивый нос и незаметные брови, подведенные чёрным карандашом также ярко, как светло-голубые глаза, такие лукавые, что подразумевали в себе обман и приобретенную способность на измену. Пожалуй, зная, в какие передраги попадала Мэри совсем недавно, Луиза обратилась сперва к ней. Правда, отправляя письмо, она надеялась, что её советчица проявит такт и придет собеседовать одна. Потому присутствие молодого человека сконфузило Луизу.

– Это ещё ничего, – с тяжелой улыбкой ответила она, подавая руку мистеру Грэю, – утром я была ещё бледней и не такой сговорчивой...

Вильям сперва приветствовал её губами, столь застенчиво, что нельзя замыслить, какой на самом деле он плут. Месяц назад ему исполнилось двадцать восемь лет, и с каждым годом, вопреки теории о биологических часах внутри, превосходил своих ровесников тем, что хорошел на глазах. Кожа вытянутого лица, нежно-персикового цвета, благоухала жизненной силой. В руках сосредоточивалась крепость, и одно пожатие его руки приносило лёгкий трепет даме, смотрящей

в тот момент в его светло-зелёные невинные глаза, а затем – на русые волосы. Они были зачёсаны назад и блестели от помады, нанесённой с прилежанием женщин, которые относятся к волосам, как к цветам, требующим красивую вазу. Высокий рост стройнил его фигуру – вот уж чего ему не занимать, думалось Луизе, так это крепкой стройности. Подобные странные мысли отвлекли её разум от тревожнения. Слегка краснея, она отвернулась от мистера Грэя и устроилась в кресле рядом с Мэри, по привычке закинувшей ногу на другую.

– Спасибо, что приехала, Мэри, – Луиза тщательно подбирала слова, чтобы выразить неуместное присутствие Грэя, и обошлась коротким обиняком. – Пожалуй, не стоило вырывать тебя из дома на сон грядущий.

– Не говори чепухи, дорогая! – засмеялась Блэкшир. – Я всегда готова тебе услужить. Что произошло?

Миссис Морган скользнула взглядом от Мэри к Вильяму. Он амбициозно устроился в кресле, тоже забросив ногу на ногу, и с предвзятым интересом разглядывал уже немолодую Луизу своими соблазняющими глазами, давая ей причину снова покраснеть от неудобства. Миссис Блэкшир проявила прозорливость.

– Не переживай насчёт Вилли. Он просто так не молотит языком – у него ведь нет друзей.

Мэри рассмеялась. Луиза обронила неловкую улыбку, а Грей и глазом не повёл, будто слышать подобное для него

неоскорбительно. Еще некоторое время Луиза помедлила начинать деликатный разговор, и хоть Блэкшир говорила таким утвердительным тоном, что других доказательств подобного заявления и не требовалось, здравый смысл всё же пересилил в ней голос Мэри.

– Я ни капли не сомневаюсь в чести мистера Грэя, – с осторожной полуулыбкой сказала Луиза, а Вильям не спускал с неё сосредоточенный взгляд. – Но речь пойдёт о деле, недостойном ушей настоящего джентльмена. Женские сплетни скучны и банальны.

Лицо Вильяма заимело насмешливую гримасу с примесью достоинства. Он поспешил встать.

– Простите меня! Я неприглашенный гость. С вашего позволения я осмотрю дом. Для меня великая радость находится здесь, пусть даже в числе незваных.

Миссис Морган вспыхнула.

– Нет, мистер Грэй, это вы меня извините, если я вас унизила! В моём доме не бывает незваных гостей. Хотите, оставайтесь, ваше право.

Луиза поймала загадочный взгляд Грэя, и на секунду ей померещилось, что тот вёл диалог соответствующим образом, лишь бы остаться и узнать всё от и до. Миссис Блэкшир кокетливо глянула на Вильяма, который отошёл к стене и принялся осматривать репродукции Чонтвари.

– Так в чём дело? – переспросила Мэри, поворачиваясь к Луизе.

– Вы же помните мою дочь Эмму? – взволнованно спросила она.

– Ну разумеется, – в тоне Мэри мелькала ирония, подразумевающая, что запомнить единственную дочь приятельницы не составляет большого труда. – Сколько ей сейчас?

– Почти двадцать четыре. Она замужем за врачом Фрэнком О'Брайном уже два года. Вы помните, как она упрашивала меня скорее дать согласие на этот брак?

– Ах да, помнится, вы были против каждой ворсинкой своей души... – едко улыбнулась Мэри.

В глазах Луизы вспыхнуло раздражение. Если так пойдёт и дальше, зря она пригласила миссис Блэкшир в трудную минуту. Но раздражение, просящееся в свет божий, ввиду многолетней выдержки удалось сохранить внутри.

– Верно, была против. Но сейчас, когда они уже создали семью и превратились в самостоятельный остров с уставом внутреннего распорядка, мне бы не хотелось, чтобы что-то сумело потопить этот остров домашнего уюта.

– Вы хотите сказать, что их семья на грани распада?

Уже не сдерживая эмоций, вплоть до глупых мелочей миссис Морган выложила о встрече с дочерью, состоявшейся до визита Мэри и Вильяма.

Во время приезда дочери Луиза спускалась к обеду по лестнице, бегущей красной ковровой дорожкой вниз. Эмма О'Брайн вспорхнула в дверь, открытую прислугой. Её маленькое личико сияло розовым румянцем, как нежный закат Индонезии. Каштановые волосы были собраны на затылке с лёгкостью, но спешно. А синее шелковое платье до колен, обшитое камнями, привносило в голубые глаза красочный морской оттенок. Они блестели озорно, ярко и вполне себе выдавали, что непрошенное вторжение к матери в час, когда знать предпочитала отдохнуть на диванчике— хранит оправданно-весомую причину. Миссис Морган заимела в правилах никогда не является в приличный дом, не оповестив хозяев запиской или звонком (к телефону Луиза привыкала с атеистическим холодом, ощущая, что это удобное зло скоро подвергнет мир непростому испытанию дьявола). И ждала того же от знакомых людей. Ведь изысканные обеды и женский туалет требовали некоторого времени на подготовку. Она любила, когда всё шло своим чередом, и, если нечто непредвиденное вносило хаос в безупречный распорядок дня, она теряла самообладание и хватку укладываться в часы, отведенные для выбранных занятий. Большинство её гостей не только знали это само собой разумеющееся правило поведения, но и сами строго придерживались его, обя-

зую достопочтенных лиц объявлять о своём визите заранее: желательно за день, а лучше – за два. Потому Луиза почувствовала нарастающее раздражение от того, что дочь, столько лет воспитывающаяся на пристойных началах, не сумела впитать и малой части прекрасного воспитания.

– Я не ждала тебя, – небрежно сказала Луиза, поравнявшись с дочерью. – У тебя что-то срочное?

Эмма ни капли не смутилась материнской неприветливости, столь предсказуемой в тех обстоятельствах.

– Очень срочное! Мне нужно тебе кое-что сообщить.

Разглядывая, как синие глаза Эммы блестят точно капли дождя от солнца, в душу Луизы забралось странное волнение. По собственному убеждению, она считала, что её интуиция, ни разу не дающая промаха, достойна истинной награды. Она была уверена, что дочь попала в беду.

– Тогда чего мы стоим? Идём же!

Они проследовали в кабинет, где ранее покойный отец Эммы, мистер Морган – простой конторщик, занимался бумагами и угощал панибратов ликером или виски с содовой. Комната, обставленная в благородных коричневых тонах, умещала три кресла с обивкой цветочного бархата; чиппендейловский стол; шкаф, запирающийся на ключ; тяжелые тёмные занавеси с бахромой – комната заключала свет, бьющий из двух смежных окон, в свои строгие стены, будто яркое освещение служило проявлением распушенности.

Луиза курила редко, прислушиваясь к советам отца един-

ственного зятя – мистера Чарли О'Брайна, называющего пристрастие к табаку причиной дурной кожи. А кожа, между прочим, это не уши – именно она является передовицей красоты и молодости. Ни одна женщина не считалась красавицей, если её кожа напоминала серый крашеный сафьян. Хотя уши, думалось Луизе в ту тревожную минуту, тоже играют не последнюю роль. Она закурила – к чёрту красоту, когда её дочь в беде! Но сесть себе не позволила – уж очень волновалась!

Эмма тоже не удостоила кресла вниманием. Она подошла к окну, где за его пределами текла смиренная жизнь Ля-Мореля – городка на юго-западе Франции, где медленно передвигались удобные: с крышами и без, длинноватые автомобили; здания в три этажа кричали шиком фасада и белых ставень продолговатых окон. Собравшись с духом, Эмма повернулась к матери и сказала:

– Мама, я приняла решение подать на развод.

У миссис Морган зашумело в ушах. Её рука бессильно опустила сигарету в пепельницу. Да, именно этого она боялась – дочь вернётся в родительский дом с незабываемым позором, униженным достоинством и без каких-либо средств к существованию. До свадьбы будущий зять Фрэнк казался Луизе простым и заурядным претендентом на руку Эммы; но не лишенным вкуса и большого капитала, что, надо признать, неотъемлемо важно для зачисления мужчины в одну строчку с достойными гражданами. Герцогинь осталось

столько, что их по пальцам можно пересчитать; а королевская знать распростерла скудные ветви драгоценной крови на древе родословной и чахла на глазах. Желаящим не исчезнуть со страниц летоисчисления в качестве простолюдина приходилось действовать в матримониальных целях, вцепившись в какого-нибудь *nouveau riche*. Собственно, Луиза так и сделала, когда поняла, что попусту растрачивается на уговоры для дочери, не желающей отступить от брака с врачом общей практики. Пока те сомнительные моменты проскочили в маленькой голове Луизы с накладкой чёрных волос, она взялась за сердце и нехотя села, стараясь оправиться от шока. Эмма О'Брайн подскочила к ней, пала ниц, не переживая о помятом наряде, и крепко стиснула руки матери в своих.

– Мама, я так счастлива! Взгляните на меня: разве когда-нибудь вы видели меня такой радостной? Я порхаю как ночной мотылёк от одной мысли, что вновь стану свободной женщиной!

– Умоляю, милая! Что ты говоришь? – чуть ли не вскрикнула Луиза, с ужасом выпучивая светлые глаза.

– Я поняла, что больше не люблю Фрэнка. Мы слишком разные. У нас нет ничего общего, ни-че-го-шень-ки! Даже детей! Почему мы должны сохранять то, чего на самом деле нет?!

– Ты с ним уже говорила?

– Нет, сперва хотела обсудить с тобой.

Глаза Эммы переливались живым блеском, а румянец расплескался по всему лицу, обрисовывая в ней пленяющую молодость вперемешку с девственным очарованием. Миссис Морган мало-помалу приходила в себя. Ей пришло в голову, что дочь крепко сядет на её попечение и это будет ощущаться, как рыбная кость, вставшая поперёк горла. Она чудесно жила в обустроенных апартаментах, так щедро подаренных ей Фрэнком О'Брайном ещё до их свадьбы с Эммой, что довольно быстро смирилась с принудительным одиночеством. Несколько дней, конечно, как и полагалось честной матери, она придавалась унынию от скорбной мысли: жаль, что дети, словно птицы, в конечном итоге покидают родовое гнездо, чтобы свить своё. Пару раз Луизе даже удалось всплакнуть по ходу размышлений, как жесток вселенский мир к несчастным матерям. Но стоило ей только влиться в круги почетных вдов-француженок, поняла, что мир жесток, но благодарен тем, кто по достоинству выполнил родительский долг перед своими детьми. Луизе подурнело, когда не бедное воображение перенесло её в квартиры на Вайтечапель-роуд в Лондоне, где раньше ютилась семья Морган, не знавшая тонкостей приёма на зубок, а из приглашенных бывали один-два бри-танца – коллеги мистера Моргана. Вместо изысканных картин – там дешёвые фрески XVII века; вместо

кресел: бархатных и уютных – очень грузные и жёсткие, как изношенные стулья; где нет слуг, заботившихся о том, чтобы вода была достаточно комфортной температуры для

тела хозяйки.

– Но дорогая... – отозвалась Луиза. – Как же ты собираешься жить? Фрэнк полностью содержал тебя: твои наряды... украшения... разные прихоти... Как ты будешь обходиться без всего этого?! Право, ни одна уважающая себя женщина не опустится до лишения себя всякого права на необходимое!

Эмма фыркнула.

– Ах, мама, разве это сейчас имеет какое-то значение? Я влюблена в другого мужчину, и он тоже любит меня! От счастья нас отделяет только бракоразводная процессия и несколько букв росписи. Мои годы уходят, мне почти двадцать четыре! А я уже совершила ошибку, выходя замуж за Фрэнка. Сейчас я безумна рада, что у нас нет детей. Потому вопрос решится быстро, осталось только оповестить Фрэнка.

Загнанная в угол, будто шарик в лузу, миссис Морган не смела двигаться. Ей виделось, как заголовки газет стремительно меняют формулировку, а её вещи пакуют неграмотные челяди, которые останутся здесь приглядывать за домом по распоряжению великодушного зятя. Именно его великодушные потрафило Луизе. Да не посмеет он так поступить! Ведь это он испортил жизнь её дочери, не сумев сохранить её пылающее от любви сердце. Чем же виновата сама Луиза, если Фрэнк не умеет обходиться с женщинами? Почему она должна утратить привычный комфорт из-за мужской расхлябанности последнего?

Эмма между тем продолжала речь, метаясь по комнате в диком восторге.

– Кто бы мог подумать, что моё счастье находилось так рядом, а я не чуяла его присутствия? Понимаешь, я открыла для себя, как много ещё не сделала! не познала! не почувствовала! Я, как закрытая книга, долго пылящаяся на полке семейной библиотеки, которую раскрыли для неизведанного. Я продам драгоценности, они мне сейчас ни к чему, а в путешествиях понадобятся средства, чтобы не лишиться полного удобства. Мы отправимся в Грецию, затем в Ливию, а после отплывем в Америку. Всегда мечтала поглядеть Нью-Йорк! Говорят, весь город переливается огнями развлечений – веселье мне не повредит. В последнее время я застряла в скуке, одиночестве и бестолковых чаепитиях. Надоело! Хочу путешествовать с ним!

Луиза чуть не обезумела от услышанного. В её светлых глазах ликовал страх; мощные руки с неуклюжими пальцами, неаккуратными для женщины, схватились за голову, а продолговатое лицо из розового превратилось в пурпурное. Приоткрытые тонкие губы тоже извратились ужасом, нос будто стал острее, определенно удлиняя лицо.

– Господи, Эмма! Ты обо мне подумала?! Ты закапываешь себя в яму, очень глубокую яму, и тащишь за собой меня! Я осталась совершенно одна, потеряла твоего отца... Ты единственный луч света в моём сером дне! А теперь ты говоришь, что хочешь уехать с ним? – тут Луиза поняла, что за феерией

чувств выпустила из внимания не менее важный критерий. – С кем ты связалась, Эмма?

Остановившись посреди комнаты, Эмма одарила мать долгим взглядом и сцепила руки.

– Я пока не могу назвать его.

– О, Боже... Моя дочь собирается стать женщиной низких моральных устоев! Бросить прекрасного мужа и пуститься по миру, при этом погубив родную мать!

– Но ведь два года назад для тебя он не был прекрасным человеком! – Эмма выдохнула залп охватившей злости и села в кресло рядом с Луизой. – Я не стану упоминать его, чтобы ты могла избежать расспросов Фрэнка. Я в силах только догадываться, как он отреагирует. Наверно, придёт в ярость! Ни один мужчина не потерпит предательства женщины. И когда Фрэнк станет выяснять имя подлеца, разрушавшего нашу семью, мне не хочется, чтоб ты врала, учитывая, как нелегко даётся тебе лживое. Мама, я искренне прошу приютить меня на один день – тот день, когда сознаюсь во всём Фрэнку. Здесь я неспешно подготовлю необходимое для путешествия, а потом уже не доставлю никаких хлопот.

– Эмма, твоё поведение – высшей степени безрассудство! Я ведь тоже окажусь на улице. Фрэнк найдет способ отобрать у меня дом. И мне будет негде тебя приютить!

Эмма взяла сигарету со стола и принялась курить, нервно и быстро. Стороннему обозревателю могло показаться, что она впервые взяла её в руки, поскольку делала это нелепым

образом и смотрелась по-детски. Тогда все курили, это составляло часть пришедшей моды. Губы она прикусывала так сильно, что они наливались багровым цветом крови, а рука, между пальцами которой дымилась сигарета, отчаянно тряслась, локтем опираясь на выпрямленную руку. Миссис Морган прекрасно знала, что дрожь – не следствие тяжёлого разговора. Эмма кипела тем, о чём говорила, и дай ей волю, она тут же, не раздумывая, бросила бы всё и отчалила к неизведанным берегам.

– Если тебе так будет угодно, мама, я всё отдам! Отрекись от положения, денег, даже собственного имени, но буду рядом с ним! И запомни: никто, слышишь? никто не убедит меня в обратном!

Миссис Морган закончила повествование для Мэри Блэкшир, откинувшись в кресле с мертвецким лицом и страдающим взглядом. Совершенно не разделяя трагизма ситуации, Мэри слушала её внимательно и наглядно усмехалась.

– И что же такого ужасного вы сыскали в заявлении своей дочери? – весело возразила Мэри.

Миссис Морган воззрела на собеседницу с прямым укором.

– Вы смеетесь, mon ami²? Она намерена разрушить свою жизнь и авансом мою. Чем я заслужила такое обращение? А главное, что теперь делать? Как убедить её в безумстве

---

² Мой друг (фр.)

необдуманного поступка?

Миссис Блэкшир обернулась назад – сцепив руки за спиной, Вильям Грэй по-прежнему находился у стены, изучая картины – и снова обратилась к Луизе, только с каверзной улыбкой, от которой её большие щеки стали походить на крепкие яблоки.

– Давайте выйдем за границы благопристойности, моя дорогая. Вы, должно быть, слышаны о моей связи с этим милым мальчиком? Многие считают его безумным. Ведь ему всего двадцать восемь, и, как видите, выбор его пал не на ухоженную миссис Л. или миссис Б., которым проигрываю на четыре года. Нет! Он выбрал меня, и, переходя вседозволенность вашего воспитания напомним, что мне далеко за сорок. Да и прелестные формы свои я растеряла лет так десять назад. Но это не мешало ему разглядеть во мне путь к звездам. Любовник он восхитительный, а самое приятное: он остаётся в моей постели до утра. Была бы я замужем – не смогла бы позволить себе такую рискованную выходку. Я давно разведена и очень счастлива этому! Развод – неприятная волокита, но когда с ним покончено – твоё тело распускается, как цветок, для новых ощущений, любви и страсти; жизнь наполняет грудь, и без унижительного рабства она кажется слитком чистого золота. Вам этого не понять, моя дорогая. Вы были прилежной женой мистеру Моргану, но не всем везёт так, как вам. Девочка, возможно, мучается. Разве можно упрекать её в неблагодарности или глупости, раз она

мишень любовных обстоятельств?!

Луиза переваривала с тяжёлым сердцем. Позвав Блэкшир, в первую очередь она учитывала, какой скандал разразился вокруг неё после развода и, полагаясь на горький опыт Мэри (не считаемый горьким самой миссис Блэкшир), хотела убедиться, что катастрофу ещё можно избежать или по крайней мере узнать, как вынести всеобщий позор.

– Но, Мэри... Что скажут люди?! Она так молода, а уже разведена! Они будут мыть ей кости до седьмого колена. Я не смогу вынести жестокую опалу общественности.

– Да, мыть будут. С превеликим удовольствием и звонким причмокиванием, – Мэри захихикала, сменив ноги. – Но какая к черту разница, если ваша дочь повесится на первом гвозде вашего дома?

– О Боже, вы сгущаете краски! Разве она пойдёт на такое?!

– А разве мало жертвенных смертей от принужденной любви? Вы, Луиза, слишком мало времени уделяете некрологу. Говорю я вам, лучший способ избавиться от хандры – завести новую хандру! – миссис Блэкшир аккуратно встала, придерживаясь за ручки кресла. – Как понимаю, после удара по мужскому самолюбию Фрэнк не станет содержать её, и Эмме придётся устраивать свою жизнь. Для уверенности в себе ей нужно увлечение. Оно защитит разум от действия пересудов. Они останутся без внимания, и ваша дочь перенесёт развод, как лёгкую простуду.

– А как же я? – грудь миссис Морган сдавило неприят-

ное чувство, и она снова занесла ладонь к сердцу. – Как мне уберечься от бесконечных пересудов? Как выдержать натиск клеветящих языков?

Миссис Блэкшир таинственно улыбнулась.

– «Отрубите» их и бросьте собакам. Те их с радостью проглотят.

После разговора с матерью Эмма О'Брайн вернулась в апартаменты на Сен-Клод. Медлительный дворецкий с непроницаемой миной отворил ей, спрашивая:

– Подавать ужин в столовую, мадам, или в гостевой холл?

– Я не буду ужинать, – вяло сказала Эмма, направляясь к лестнице, укрытой светлыми индийскими коврами. – Фрэнк дома?

– Мистер О'Брайн ещё не возвращался, – с американским акцентом ответил дворецкий.

– Тогда я дождусь его.

– Будут ещё указания?

– Нет, ты свободен, Дональд.

Эмма поднялась на второй этаж, где помпезная заносчивость интерьера сменялась тонкой аристократичностью. Всё ей нравилось в двухэтажном особняке: портреты знаменитой династии Генриха VI в золоченных рамках; чиппедейловская мебель, тёмная и органичная; вместительные светлые комнаты с преудобными диванами, креслами и широкими кроватями, соблазняющими по утрам отложить пробуждение на минуту – другую. Напичканный мелочами высокого стиля монарших приёмных, без которых вполне можно обойтись, дом в бежевом фасаде на Сен-Клод с оранжевой черепицей и коринфскими колоннами, достался от-

цу Фрэнка по милостивому подаянию умирающего пациента – Джеймса Брекли, дальнего потомка английской династии Брекли. По счастливой случайности Чарли О'Брайн познакомился с ним на одном из светских сборищ на Пикадилли в Лондоне. Мистер Брекли заинтересовался образованным врачом-терапевтом и призвал его на помощь, когда форма неизлечимого склероза свалила Брекли с ног. Безо всякой корысти Чарли О'Брайн – добродетельный специалист широкой души, проводил сутками подле семидесятилетнего потомка аристократии. И мистер Брекли до своей смерти успел запечатлеть имя Чарли в завещании. Таким образом, приличное состояние в банке, дома на Сент-Ион и Сен-Клод в Ля-Мореле попали в руки отца Фрэнка, который долгое время ходил к адвокатам, проверяя законны ли подобные завещания. Как выяснилось позже, родственников у старика не было и вполне понятно, почему тот обогатил врача, не щадящего себя ради христовой цели помогать больным и немощным.

Дом на Сен-Клод в квартале Итон так и не стал Эмме родным. Она никогда не ценила этот богатый особняк с благоухоющим садом и прудом на заднем дворе. Сад... А ведь ещё недавно, после пяти она и Фрэнк часами проводили на открытой веранде в удобных стульях с наклоненными спинками в тихом, но приятном молчании. О чём он думал в ту минуту наедине с ней – она не ведала. Да и напрашиваться на сокровенное не могла, считая это открытой фамильярно-

стью.

Но Фрэнк располагал иными представлениями о семейном счастье. Ему казалось, у супругов не должно быть тайн, и считаться с личным пространством, на которое Эмма претендовала в душе, не входило в круг его обособленного мировоззрения.

Недолго думая, он спрашивал её о том. Она робко смеялась, пряча поглубже всякие мысли, порой такие бесполезные, созданные лишь смысловой цепочкой интеллектуальной последовательности, что говорить о них не пристало. В голове они имели какой-то малейший толк, но вслух прозвучали бы абсурдом. Пожалуй, за годы, отведенные человеку, его разум лишь треть посвящает свой интеллект существенному; остальное время мозг работает на износ пустословия. И Эмма догадывалась, что Фрэнк в силу разнообразия природы, которая создала непохожих друг на друга людей, не сумеет её понять.

Пока они распивали чай на заднем дворе, Эмме нравилось разглядывать зелёные рощицы у пруда и наблюдать, как ветер щепетильно перебирает листья; любила следить, как по водной глади бежит мелкая рябь, и с двух сторон доносится кваканье лягушек, не напрягающее слух; пыталась угадать на сколько миль продвинулось солнце, чтобы спрятать пламенную теплоту от сторонних глаз на горизонте. Её пленил лазурный небосвод, а белые, устремляющиеся вперёд облака напоминали живые улицы Парижа, где иностранные ту-

ристы и французы мельтешат по фешенебельным коммерческим точкам. И пока она отсутствовала мыслями, проявляя интерес к природе, Фрэнк в который раз достаивал её вопросом:

«О чем ты постоянно думаешь?»

Эмма не хотела сознаваться, но столько раз озвученный вопрос Фрэнка начинал надоедать. Она подумала, что, удовлетворив его чувство познания, Фрэнк не станет больше допытываться. Она набралась храбрости открыться ему.

«Я думаю о небе. Почему зимним вечером, когда луна оставляет его в уединении и ничто не освещает бесконечный свод, оно смотрится, как чёрный бархат, где с одной стороны по нему льется розовый отсвет, точно зефирная пастель, а с другой – появляется светло-голубой оттенок... Думаю, зачем люди учат языки друг друга, а не выберут один единый для простоты общения. Представь себе француза с чистым английским произношением, который не сыплет на общество приторность французского красноречия.»

Эмма рассмеялась и поглядела на Фрэнка. Сдвинув брови в легком недоумении, он глядел то в сторону, то на Эмму растерянными, слегка суженными глазами. Молчание затянулось на долгие минуты, и та тишина была ей невыносима. Пожалевав о сердечной откровенности, она оторвала взор от мужа, а её руки никак не находили себе места. Она перебирала пальцами, в надежде услышать от Фрэнка слова понимания. Но разве есть способ понять другого человека, если

внутри нет налаженных механизмов для подобной цели? Да и, услышав собственные мысли вслух, они показались ей до безобразного глупыми. Она покраснела и закусила губу, когда Фрэнк всё же сказал, осторожно улыбаясь уголками рта:

«Надеюсь, ты это не всерьёз, милая? Забавно, как ты умеешь шутить!»

Эмма прыснула наигранной улыбкой. Обида просочилась в её задетую душу, а разум сосредоточился на выводе, как далеки их вселенные от общего мира, где есть камин семейного очага. И вместо того, чтобы объединять, согревая одним теплом единения, этот очаг топил лёд в одном и жарил до боли другого.

Вспоминая те неприятные минуты, Эмма вошла в спальню, где господствовал стиль – не далеко ушедший от модерна, но опережающий рококо – и подошла к столику, где утром наносила лёгкий грим. Без него она считала себя слишком юной деревенской простушкой, пока здравость в её самомнение не внёс портной Ильяс Макинтош – шотландский мастер платья с еврейскими корнями. Увидев, как Эмма тщательно припудривается, подчеркивая глаза и брови, он с глубоким вздохом произнёс:

– Новенькие платья мечтают о заплате, которая добавит внешний шик. Поношенные платья годятся лишь в заплату, а хочется им старую на новую материю сменить.

Теперь она уверенно поглядела на себя в зеркало. К счастью, не смотря на два ушедших года, она по-прежнему ви-

дела в чертах своего маленького личика притягательные чары. Губы алели пионом; щёки пышали свежестью росы; глаза завлекали своей синей глубиной и переливались уже не счастливым предвкушением увлекательных перипетий, как дома у миссис Морган – теперь в них значился страх. Что скажет Фрэнк, и каким будет его лицо, когда она разрушит их семью? Не может быть, что останется спокойным! Скорее всего сперва её обдуманная речь оглушит его, как разрыв бомбы. Он замрёт на месте и переспросит, не ослышался ли. У неё зашлось сердце от вероятности, что придётся снова повторить ужасные слова принятого решения. И тогда он, скорее всего, придёт в ярость, граничащую с безумием, подлетит к ней и начнёт трясти, заставляя отказаться от дурных помыслов. Но Эмма непреклонна! Даже матери – женщине крепкого нрава и слова, не удалось повлиять на её своеволие. А что может сделать мужчина, ставший для неё таким чужим и далёким?

Ночами она следовала за мечтами туда, где не ступала её нога. Сюжеты блистали яркостью. Ей виделось, как она причаливает к берегам африканского континента; бродит по долинам в диких зарослях, по тропам, известным лишь отдельным племенам. Да, её не страшит бедность! К чему широкие удобные кровати и столовые приборы в позолоте? Спальней там послужит хижина на берегу мутного Нила или навес из пальмовых веток неподалёку извилистой реки Конго. А книги и телевидение сменятся звёздным небом, таким низким,

что, кажется, звёзд не сложно коснуться рукой. В Азии первым делом они направляются в Японию (Эмма была уверена, что буддизм интересен её спутнику также, как и ей) и познают мудрость Гэнсина³ и До:гэна⁴ с теорией недвойственности о дзэн⁵ и просветлении⁶. Да она будет счастлива! Особенно рядом с Вильямом Грэем – так сильно любящим её. Они станут проводить вместе свободное время, пить кьянти⁷ и наслаждаться часами совместного досуга. Правда, раньше они не говорили больше двадцати минут, предпочитая телесную связь, объятия и поцелуи. Она иногда ухитрялась рассказать ему о своих интересах – жажде познать быт других стран. Грэй во всём с ней соглашался, но старался не говорить ни о чем побочном, кроме любви, больше пяти минут. Он находил сладость в жарких речах признаний, и Эмме прельщало его неисчисляемое чувство. А теперь их общие дни, безусловно, обогатятся новой ценностью, и они ещё раз убедятся, как судьба благоволит им. Он принёс ей столько прият-

---

³ [Японский](#) религиозный деятель, [буддийский](#) монах [периода Хэйан](#), популяризатор [Учения Чистой Земли](#) в Японии, одним из первых сформулировал догмы [амидаизма](#).

⁴ (1200 – 1253 гг.) – японский мыслитель, патриарх дзэн, основатель японской школы Сото.

⁵ В широком смысле означает школу мистического созерцания или учения о просветлении. Китай, V—VI века.

⁶ Религиозное понятие, означающее целостное и полное осознание природы реальности.

⁷ Итальянское сухое красное вино, производимое в регионе Тоскана.

ных моментов, что вселяло уверенность: они созданы друг для друга!

С Фрэнком всё было иначе. Пусть, конечно, их знакомство поражало галантностью поведения Фрэнка, его изобретательностью, но теперь он уже не тот, и она не та...

Часть вторая

1

1923 – 1926

Эмма и Фрэнк познакомились зимой 1923 года, когда миссис Морган принимала у себя семью О'Брайн в качестве благодарности доктору Чарли за излечение её желудка. Им был уготован скромный обед, дозволенный платежеспособностью мистера Моргана. Тогда они жили в бедных комнатах на Вайтечатель-роуд в Лондоне. Миссис Морган радушно хлопотала с чаем, мазала хлеб джемом и укладывала его на тарелку, пока мужчины курили трубки, рассуждая о экономике страны, журуя и порицая прошедшую войну. В полном естестве Эмма вышла к гостям из другой комнаты в очень скромном платье-чехле без рукавов, узоров и вышивок, чисто молочного цвета. Это придавало ей вид ослепительной невесты. Её светлое лицо было эффектно подчеркнуто волнами каштановых волос, приложенных на косой пробор, и нахлобученной челкой. Глаза темной бирюзы, глубокопосаженные в глазницах (что ни капли не портило их), смотрели с неистлевающим задором. Фрэнк сидел на стуле рядом с мистером Морганом, и в тот момент, когда Эмма робко за-семенила к свободному месту на истрепанном диване, Луиза

передала гостю чашку чаю на блюдце. Он смотрел на Эмму во все глаза и не смел оторваться. Худое его смуглое лицо слегка вытянулось, а рот с пламенными полными губами застыл в изумленном замешательстве. Понимая, что протянутую руку молодой гость не собирается освобождать от предложенной ему чашки, Луиза проследила за очарованными глазами Фрэнка и отошла в сторону, узрев Эмму. У той разгорелись глаза, и искру, родившуюся в те минуты между ними, нельзя было не заметить.

Так он и не сводил с неё своих больших светло-карих глаз с прямыми чёрными ресницами, и Эмме казалось, что никогда ещё не видела столь замечательных глаз. Они мерцали, как два маяка, и ничего будто бы кроме них на лице и не было. Большие, разграничивающие зрачок, незастенчивые и не наглые – очень смелые глаза. Гладковыбритый подбородок; заостренный маленький нос и широкие чёрные брови, заметно выступающие над глазами – все черты его наружного облика выделялись четкими, плавными линиями. Костюм его веял консервативностью: темно-серый, с высокой талией, а брюки наоборот – узкие, укороченные, обнажающие носки. Худоба делала из него юнца, но благородная манерность перечеркивала это впечатление.

В продолжении вечера, когда всех объединил один беззаботный разговор, мистер Морган развлекал гостей оригинальностью своей речи и немецким акцентом. Чарли О'Брайн слушал его с деликатным спокойствием, изредка

вставляя уместный возглас понимания. Затем степенность слов вытеснили шутки. Эмма и Фрэнк не следили за смежной обстоятельных бесед. Оба отмалчивались, что подметила Луиза. Даже когда Чарли рассказывал семье Морган о своих пациентах во время благотворительной миссии в Зимбабве, о которых всегда любил слушать двадцатиоднолетний Фрэнк – всякий раз как в первый раз, он пропустил мимо ушей всю историю, то и дело поглядывая на Эмму. Она тоже обращалась к нему пылающим взглядом. Юность лет – а именно такое ощущается в девятнадцать с половиной – смешивала кровь её в игристое вино и дурманило рассудок хуже опиума.

Дело шло к завершению чаепития. Фрэнку хотелось улучшить момент и остаться с Эммой наедине, чтобы услышать её голос. Но он не мог позволить себе заговорить с незнакомой красавицей просто так или в минуты общей беседы. К сожалению, случай не представился, и он покинул квартиру Морган в улаждающих мечтах.

На следующий день мистер Морган снова пригласил к обеду Чарли, и Фрэнк, узнав, что отец принял приглашение, попросился с ним. Он снова увидел Эмму. В это время гости следовали за Луизой в гостиную мимо той незакрытой комнаты, где Эмма читала, полусидя на кушетке. Ему не терпелось выманить её на разговор, да так, чтоб родители не заметили его ярую увлеченность девушкой.

И всё-таки, когда Луиза, также угостив их бедным ужи-

ном, пошла на кухню за чайником, а два приятеля болтали о новой редакции, открывшейся в пределах квартала, Фрэнк проскользнул в комнату, меблированную просто и слишком броско, указывая на безвкусие и малообеспеченность, и пошёл к Эмме.

– Я не сильно отвлеку вас, если уточню, что за книгу вы читаете? – спросил он с утонченной улыбкой.

Эмма подняла взор ясных очей, которые засверкали. Он заговорил с ней, и она пыталась затаиться в счастье своём и отяжелить взгляд, чтобы выдать наигранное безразличие. Но у неё не получалось. Открытым локотком она упиралась в подушку, а ладонью с изящно сложенными пальцами подпирала щеку. Неприкрытые до колена ноги, длинные и очень тонкие у щиколотки, возлежащие грациозностью "Махи"⁸ де Гойя: одна за одной – будто замерли в лёгком движении. Та художественная поза, не лишённая замысла, приносила ей кокетливого шарма – с неё хотелось писать портрет. Полукруглый вырез платья выставял налитую грудь, которая поднималась чувственно и волнующе, и Фрэнк едва дышал от каждого её вдоха.

Эмма сконфузилась и, опустив глаза на обложку книги, снова посмотрела на Фрэнка.

– «Голландские мемуары», – смущённо ответила она, а Фрэнк уже забыл, что принудил её к ответу. Он мужественно совладал с собой.

---

⁸ «Маха обнажённая» – картина испанского художника Франсиско Гойи.

– И как вы их находите?

– Довольно занимательные.

Взгляд Фрэнка стал осмысленным и загадочным.

– Если вы так интересуетесь Мари де Лафайет, я могу предложить к прочтению очень занятную её работу. Называется «Принцесса Клевская».

– Да очень хочу, – горячо сказала Эмма, спустив ноги в комнатные туфли.

Фрэнк снова улыбнулся и пообещал, что принесёт её завтра, если девушка не откажет ему в свидании. Эмма ликовала всем сердцем, но как и прежде вела себя учтиво, без фриivolностей. Они уговорились о времени, когда зайдёт за ней, и он, пожав ей руку с особой нежностью, вернулся в гостиную.

Как только Фрэнк вышел, взбудораженная Эмма отбросила книгу в сторону. Узнав, что молодой О'Браин придёт на обед, она впервые взяла названный роман в библиотеке отца с умыслом произвести хорошее впечатление (всем угодны образованные девушки с тягой к всепознанию, чего не было у Эммы). Она подпрыгнула от счастья – ей удалось заполучить интерес достойного юноши, и всячески отбивалась от стыдной мысли, что Фрэнк раскусил её небескорыстную затею. Да, она сильно сплеховала, не прочитав и названия книги прежде, чем фальсифицировать, что читает её который день. Но тут же успокоилась. Да есть ли разница, догадался он или нет, если то не остановило его стремления на-

значить ей свидание? Теперь остаётся поменьше говорить, чтобы укрепить впечатление её блестящей образованности. Пустых болтушек тоже не любят мужчины. А Эмма была нетерпелива в разговоре и легко находила тему даже в самом примитивном. Молчаливость, по её предупреждению, черта людей с бедным языкознанием и фантазией. Потому она, столь одарённая природой к разговору, любила беседовать и производить фурор, используя фразочки той эпохи с французским диалектом района Нейи, куда она дважды ездила на летнюю неделю к кузинам. Знала она и что необходимо одеваться скромнее. Тогда Фрэнк не спутает её очарование с вульгарной доступностью.

Вынашивая план оболъщения, Эмма продумала всё до мельчайших тонкостей: как будет себя вести и как пройдёт их прогулка. Если пойдут в кино – она не станет спорить с выбором Фрэнка и снова сыграет себе во благо. Если решат прогуляться по улочкам – она будет восторгаться шумным движением лондонской улицы, незнакомыми прохожими, погодой; при этом делая вид, что не замечает, как реагирует Фрэнк на её чувственность Джульетты. Если же он выберет музей или галерею – с этим будет посложнее. Эмма далека от искусства, исторических моментов и всего того, что даёт обзор великих экспонатов и произведений эстетического блаженства. Но она как-нибудь выкрутится. Он будет ею восхищен.

Тот вечер Фрэнк тоже думал о ней. С отчаянным усерди-

ем расхаживая в спальном комнате, он подыскивал, чем заинтересовать такую милую особу. Что привлекает её? Он понял, что книги не очень её занимают, по крайней мере «Голландские мемуары» – вне всяких сомнений. Он улыбнулся. Вероятнее всего, она любит музыку. Обычное дело, когда к литературе тяги нет, её компенсирует страсть к музыкальному творчеству. А ведь он так боготворит его!

Ночью, во снах он не мог избавиться от её зовущего образа на той кушетке и проснулся в полной обреченности грезить о ней наяву до вечера, когда они встретятся и пойдут на оркестровый концерт.

Эмме тоже не терпелось увидеть Фрэнка. После завтрака она занималась с гувернанткой языками и географией и хоть и окончила закрытую школу в Регби, Луиза считала, что углубленные знания ещё никому не повредили. Это сильно било по кошельку семьи Морган, но за столько лет Луиза успела подкопить и теперь не жалела средств для образования дочери.

Гувернантка – тучная незамужняя полячка, в годах, с серыми, как зола, волосами и носом-уточкой – посматривала на Эмму поверх пенсне с чутким подозрением, что её подопечная допускает ошибки в элементарном ввиду своей крайней рассеянности. Эмма была не сильна в точных науках, но очень любила географию. Гувернантка рассказывала о ней, как о собственном путешествии в духе складной прозы. Она побывала в Берлине, Лиссабоне, на Курильских

островах, избороздила воды двух океанов, каждый раз прибываясь к матросу, коку, отставному капитану из соображений доплыть, куда рвалось её ненасытное сердце. Затем она без должной печали махала ему рукой с берега и бросалась в первую забегаловку на пристани, а там удручалась поиском нового способа к приключениям. Она описывала туземную жизнь сентинельцев на Андаманском острове Индийского океана красочно и правдоподобно. И Эмма заморожено глядела на неё, ощущая себя в тех далеких краях с яркой богатой растительностью, где град острых стрел летит на неё: беззащитную, вторгшуюся в замкнутый мир острова, найденного в XVIII веке и известного нелюдимою жестокостью в отношении прибывших.

Но в день первого свидания с Фрэнком её не интриговал рассказ гувернантки. Слепо уверенная, что просчитала все варианты предстоящей встречи, ей было приятно сознавать, какая она находчивая и предусмотрительная. Приятно было и от того любовного приключения, которое ей предстояло совершить. Никакие туземцы не сравнятся с духом, завладевшим её сердцем и предвещающим ей близкое замужество; потом детей, которых с любовью будет нянчить.

Эмму, витающую в пространстве, нельзя было не заподозрить в беспечности. При вполне удовлетворительном положении семьи Морган и добросовестной матери гувернантка считала, что Эмме нельзя жить так, как жила сама гувернантка, путаясь с морскими служивыми. Там совсем другое дело:

она сирота, ни дома, ни родных; естественно она, как и любое другое существо, боролась как могла за место под солнцем. Утешившись, что прожитые годы не могли пройти иначе, гувернантка сочла нужным сообщить о расхлябанности Эммы её матери.

Луиза выслушала поверхностно и холодно, не веря, что её дочь увлеклась посторонним. Не может быть! Это после того, как Луиза потратила полтора часа на проповедь, как важно сохранять аристократизм в поведении и не быть самозванкой, выискивающей при помощи родовой фамилии! Полунемецкая, полуанглийская кровь Луизы не обеспечила ей принадлежность к роду известному. Тем не менее, миссис Морган в душе всегда знала, какая благородная редкая кровь растекается по её крепким жилам. Зачем ей справочники титулованных личностей, знание генеалогического древа, если она чувствует себя вполне уважаемой дамой?

Двадцать лет назад она польстилась имуществом мистера Моргана: гарнитуром с частой резьбой из Парижа, двумя креслами кретовой обивки и маленькой фазендой с тремя акрами земли, которые, согласно возрастному порядку, должны достаться ему, а не трём младшим братьям. Луиза вышла за мистера Моргана по первой же просьбе. Она располагала мнением, что нельзя заставлять мужчину повторять дважды – никак это дурной тон! Да и тогда ей прогремело двадцать пять. Года уходили; её родные сестры без хлопот нашли себе дельцов: банкира; юриста, разбогатевшего на

продаже акций в Испании; помощника посольства. Но ей достался обычный конторный служащий, который в будущем, надеялась, станет магнатом. В конце концов, все с чего-то начинают. Она была уверена в своих подбадривающих силах – они помогут мужу окрепнуть и взлететь на помостки высоких достижений.

Однако, мистер Морган хоть и слыл порядочным человеком, без страстных азартных начал, усердный, коммуникативный, но прыгнуть выше, чем уже вышло на ступень без шанса на карьерный рост – у него не получилось; с чем он, собственно, примирялся без лишних расстройств. Он зарабатывает по сто шестьдесят два фунта в год – чего ещё нужно?

Только Луиза отнюдь не заразилась спокойствием мужа, когда тот лишился наследства (оказывается, старик-свёкр изначально отписал всё среднему сыну). Потому после рождения Эммы Луиза вбила себе в голову, что её дочь едва ли совершит такую непредусмотренную ошибку и ни за что не упустит богатого соискателя.

К счастью матери, Эмма была хороша собой. И с каждым годом по мере подрастания девочки Луиза становилась ближе к стремлению удачно выдать дочь. Таким образом, примечание гувернантки о том, что сердце Эммы вспорхнуло к небесам от любви, Луиза расценила, как чрезмерную подозрительность преподавательницы, абсолютно не обоснованную.

– Давайте каждый будет заниматься тем, за что ему тут

платят, – строго буркнула Луиза, оторвав взгляд на женщину, стоящую подле неё.

Гувернантка поджала губы в обиженной гримасе, опуская руки по швам, как ученица. А Луиза продолжила штопать носки, делая это с величественным достоинством, будто разрешает политические задачи, а не мелкие бытовые заботы.

– Дело ваше, мэм, – укоризненно ответила гувернантка. – Но так не долго и по миру пуститься. Уж я-то знаю, как легко свернуть с пути!

Миссис Морган вцепилась в неё злобными маленькими глазами.

– Мисс Гринфилл, разговор окончен.

Наступил вечер, и Луиза получила точно обухом по голове, отворив дверь, где стоял Фрэнк, а затем услышала за спиной жизнерадостный голос дочери. Фрэнк пожал руку Луизе и очень любезно с ней поговорил. Та отвечала рассеянно, невпопад. А потом Эмма предупредила, что уходит с Фрэнком. Лишенная всякой способности говорить, миссис Морган не успела возразить и за пару часов, пока не было Эммы, успела напридумывать себе столько, что тех последовательных мыслей хватило бы на приличный томик нелегкой беллетристики. Навязчивой привычкой Луизы было начинать с самого плохого. Она переживательно торчала у окна, разглядывая уходящие тени на горизонте, затем бродила по гостиной с лютой тревогой на сердце. Допустить в мыслях, что их свидание выльется в нечто внушительное, она никак не по-

смела. Ведь кровь у Луизы чуть ли не драгоценная, благородная! Пусть не признанная титулом, но это лишь вопрос времени и удачной женитьбы. Стало быть, у Эммы тоже великая кровь! А Фрэнк О'Брайн – хоть и весьма обаятельный молодой человек (красавцем его никто не считал, но совокупность броской внешности давала ему основания называться симпатичным), однако, произошёл он на свет от крови менее величественной – крови простого доктора терапевта. Пусть руки у Чарли О'Брайна умелые, голова умная и совесть чистая, но он не достоин почтенного титула. Чарли не граф, и даже не помощник губернатора... Нет – нет, такого брака она не допустит ни под каким видом!

Плеснув себе немного винного, Луиза успокоилась и стала рассуждать не так обречённо. Если они обычные приятели, в этом нет ничего дурного. Общество нового человека повредит ей не больше, чем скверное общество соседских девиц, дружбу с которыми Луиза не одобряла. Но нельзя же вечно всё запрещать! Эмма сидит целыми днями одна. Её кузины приезжали в основном на летние каникулы, а других людей, близких ей по интересам, не наблюдалось. Званных вечеров они не устраивали, как то делали обеспеченные семьи, спасая свои безгрешные души от скуки. А в Лондоне иначе спастись нельзя.

Тем не менее, убеждать Луиза умела не хуже, чем нагнетать, и потому оставила печальные думы и занялась хозяйством.

Фрэнк и Эмма, поймав такси, направились на улицу Шафтсбери-авеню. Рассматривая в окно, как серебром блестят присыпанные снегом Борчьер-стрит и Уолбер, гулкие, битком нагруженные людьми, одетыми в теплые манто и соболиные меха, Эмму разрывало от экстаза предстоящего развлечения; у неё даже из головы вылетело обещание Фрэнка принести ей чтиво Мари де Лафайет. Слегка поджав нижнюю губу, она наблюдала за едущими автомобилями; медленно вращающимися деревьями, глядевшими из кольца парковой зоны; терялась взглядом в замысловатых вывесках, зовущих англичан устроить пир светского наслаждения. Ночные рестораны, клубы, кафе мелькали картинками вечерней галереи Лондона. Фрэнк упивался живыми глазами Эммы, от которых не ускользает ни малейшее изменение мира, открытого для цели весело убивать часы молодости. Он наполнялся уверенностью, что превосходно угадал, как её развлечь.

Некоторое время, и они прибыли к трехэтажному зданию с яркой репертуарной афишей. В фойе с положенной любезностью у них забрали верхнюю одежду, и они прошли в зал. В квадратном помещении столики рассыпались по кругу до небольшой сцены, умеренно освещённой, в форме полумесяца. Там оркестровая группа в переливающихся костюмах

настраивала аппаратуру к игре. Фрэнк остановился у центрального столика и отодвинул стул для Эммы; она села, он помог его подвинуть к столу. Эмма с восторгом глядела по сторонам. *Bohème*⁹! Впереди спиной сидела коротковолосая француженка в узкополой шляпке и в сиреневом платье, обнажающем колени в чулках и лакированные туфли. Она курила сигарету в мундштуке, отставив локоток на спинку стула. Рядом с ней в клетчатом пиджаке, повернутый в профиль – мужчина с тонкими усами; через столик несколько женщин в платьях с узкими юбками и широкорукавными блузами; у стены – мужчины в короткополых шляпах в облаке серо-сизого дыма, уничтожающие сигареты. Они вертелись по сторонам, кого-то ожидая. Никогда не выходящая в свет Эмма чуть ли не визжала от восторга. Её заряжала атмосфера светских ублажений и всех этих сильно накрашенных броских женщин и нагло смотрящих на них мужчин.

К ним подошёл патлатый официант с бабочкой и черном пиджаке, держащий на одной руке поднос, а другую – за спиной. Официант спросил, чего желают гости. Эмма отказалась от ужина, разрешив себе немного вина. Оно снимет взволнованность, думалось ей. Фрэнк слегка удивился, но промолчал. Официант принял заказ и ушёл с тем же позёрством. Эмма прекрасно помнила все оговорки поведения, условленные ею самой для такого случая, потому выбрала выжидательную позицию. И заговорил Фрэнк.

---

⁹ Богема (фр.)!

– Надеюсь, вы любите музыку? Иначе мы можем сейчас же уйти.

Эмма покраснела. Она терпеть не могла музыку, но уходить из веселого места ей не хотелось. В зале стоял полумрак, рассеянный лишь маленькими круглыми лампами на столе, и Фрэнк не заметил её румянца. Опустив глаза, она подняла их с большим очарованием и сказала:

– Разве существуют люди, равнодушные к музыке? Помому, главное невежество народа состоит в холодности к искусству.

Фрэнк улыбнулся очень мило.

– Получается, вы и в искусстве понимаете?

Эмма улыбнулась, но уже без особой уверенности. И красноту на лице растворили белые пятна.

– Не сказать, что прекрасно понимаю... Но смотреть картины доставляет мне удовольствие.

– Надо же, как мы похожи! – воскликнул Фрэнк. – Я считаю в музыкальном творчестве многих поколений не меньше богов, чем в художественном искусстве. Однако, душою я больше предан живой музыке.

Сцена засветилась огнями – начался концерт. Музыканты играли на одном дыхании. Фрэнк взирал вперед, как околдованный, и Эмме отчётливо показалось, что её присутствие здесь не обязательно – слишком он увлекся тем, что происходило на сцене.

Концерт длился час, и Фрэнк просидел до самого конца,

внимательно глядя только на музыкантов. Эмме стало скучно, но обстановку сглаживал полный зал народа. Она следила за ними глазами неотъемлемого любопытства и даже заметила, как одна кудрявая женщина очень яркого грима периодически обращалась глазами к Фрэнку. Эмме было лестно, что её мужчину выделяют из толпы. Фрэнк изредка вставлял реплики нарастающего восхищения.

— Правда, они таланты? — спрашивал он, так и не притроновшись к своему бокалу вина. — Я слышал их концерт два года назад. И сейчас они стали играть ещё лучше!

Натягивая улыбку, Эмма разделяла его мнение. Притворяться ей было легко. В конце концов, чтобы понравиться ему, она готова вылепить из себя нечто совершенное и не столь значимо, что при этом потеряет собственную индивидуальность.

Вскоре они покинули здание, ещё грохочущее музыкой старых пластинок и топотом каблучков танцующих женщин. Фрэнк был доволен вечером, и Эмма тоже осталась довольна, потрудившись на славу быть понимающей и весёлой. Её искушала мысль, что Фрэнк в знак симпатии поцелует её. Но этого не произошло. Он словил такси, привёз её к дому, а на прощание лишь предложил свидеться завтра. Зная, как льстит мужчинам похвала, Эмма отобрала много душеугодных слов и продолжала изображать полную удовлетворенность отдыхом. Фрэнк ушёл с улыбкой, а Эмма, смущенная, что тот не поцеловал ей руку, поняла, что дорожка к его

сердцу лёгкой не будет.

Следующие дни они посещали выставку французского пейзажиста Огюсто Руссо – талантливого, но известного лишь узкому кругу. Фрэнк знал художника лично. Их познакомил Роберт Харли – лучший приятель с детства, который тесно являлся с творческими людьми.

Безусловно, Фрэнк попал в свою стихию. Он много рассказывал о художнике: длинноволосом, с красивыми зелёными глазами, грубым носом и перебравшемся из Венесуэлы в Лондон. Рассказывал о написанном сюжете, о применении масла, кистях, холсте – обо всём, что важно для художника и до смерти скучно знать обычному зрителю. Фрэнк знал всё, но не делал из этого себе уважения. Он располагал мыслями, что Эмме интересны подробности черновой работы. Эмма кивала, тревожно пытаясь сохранить самообладание. Она беспокоилась получить вопрос, на который не держала в запасе ответ и начала жалеть, что выставила себя глубокопознавшей искусство. Но Фрэнк по неясным причинам не спрашивал её ни о чём, и Эмма вздыхала с приходящим облегчением.

Затем ясная приветливость погоды сменилась леденящим порывистым ветром. Частые проливные дожди не позволяли дорогам полностью высохнуть. Небо померкло, облака загромождали его, насыщаясь серой грустью – смотреть на них было тоскливо. Деревья сбросили листву и терпели суровые нападки северо-западных воздушных масс. Прогулки ото-

двинулись на более благоприятную погоду, потому Фрэнк и Эмма часто пили чай дома у мистера О'Брайна.

Там Эмма познакомилась с Робертом Харли. Это был двадцатичетырехлетний британец, среднего роста, статной фигуры – так, без особой примечательности; разве что глаза изощренно выделялись: черные, небольшие, проницательные, как у сокола. Лоб был высоким, с чрезмерно открытыми висками и двумя едва заметными линиями, которые с годами преобразуются в глубокие морщины; нос заостренный, с приподнятыми в бок ноздрями, что в сочетании с низко опущенными уголками рта насыщало его вид интеллигентной строгостью. Густые волосы были зачёсаны набок. Он не был красив, но что-то в нём интриговало наблюдателя. В его заурядной сущности проскальзывала тень всезнающего могущества и необъяснимой печальной загадки. Он получил медицинское образование при больнице Св. Луки, одевался строго, костюмы менял согласно случаю и, вопреки желанию смотреться солидно, никогда не переусердствовал. Парадный костюм от повседневного отличался бутоньеркой в петлице пиджака, верхнем кармане, или запонкой с камнями на отвороте. Он отращивал усы, и смотрелись они на нём столь же юными, как и был он сам.

Без особой предвзятости было видно, как Фрэнк привязан к Роберту. Их дружба имела все основания считаться образцом степенности, уважения и взаимного интереса. Оба умели вовремя остановиться в момент спора или отказывались

от него вовсе, сознавая к чему приведёт отстаивание своих интересов. Они переходили к другой мирной теме, смеясь и поджуривая друг друга.

Эмма держалась с Робертом обходительно; улыбалась ему, вкладывая душу, и при всей своей смекалке и женском чутье никак не могла разобрать, как Роберт к ней относится. Она верила старой мудрости, что влияние общественного мнения – особенно близкого друга – закладывает квинтэссенцию взаимоотношений. Эмма мало участвовала в их занимательных беседах и часто ловила на себе познавательный взгляд Роберта. Ей было странно находиться под наблюдением этого задумчивого молодого человека, но любопытство её к нему, на удивление, увеличивалось в разы. Что у него на уме, когда он смотрит на неё своими чёрными ясными глазами? Она билась рыбой об лёд и возвращалась домой в двояком ощущении: экстатического счастья от того, что Фрэнку она небезразлична, и лёгкой взвинченности от неясности, какой эффект произвела на Роберта.

Потом потеплело: солнце восторжествовало над зимними терзаниями. Эмма больше не видела Роберта. Вдвоём с Фрэнком они снова вернулись к развлекательному досугу: посещали музей, мюзикл-холл, театр и чаще отдавали должное прогулкам в парке. Голубое, как ранней весной, небо, воспрямшее без грузных туч, вдохновляло своей жизнерадостностью. Птицы не летали, не сидели на ветках озябших деревьев парка, но, казалось, с минуту на минуту должны роман-

тично запеть для двух ликующих душ. Эмма порывисто рассказывала Фрэнку о детстве и родителях, он слушал и простодушно улыбался. Потом она примерялась, как слушатель, а Фрэнк болтал о Роберте, нахваливая целеустремленность друга.

– Я так благодарен Робу! – с жаром говорил он. – Это благодаря ему я стану врачом. Его пример для меня бесценен!

В череде историй Эмма подытожила, что Роберт Харли – опасный соперник, могущий употребить своё влияние на Фрэнка во вред Эмме в случае, если она ему не приглянулась.

– Наверно, вы уже успели и обо мне поговорить? – осторожно спросила она.

– Нет.

Он как-то неловко улыбнулся и отвёл взгляд. Лаконичность Фрэнка смутила Эмму, и ей пришлось отказаться от затеи дознаться о мнении Харли.

Весной Фрэнк водил её в студию к Огюсто Руссо. Эмма окружала себя зрелищной фанатичностью к искусству. Они смотрели, как художник работал, говоря с французским акцентом, и делились с ним личным восприятием его творчества. Иной раз они заходили в кафе "London», съедали обед, ели рогалики или пили кофе со сливками. При любом удобном случае Эмма хвалила Фрэнка за эрудицию и чуткое отношение к медицине. Ему было приятно. А летними вечерами они бродили по мостовой во время заката, яркого, как

щеголеватая артистка, млеющая желанием обратить на себя внимание. Фрэнк улыбался, когда Эмма заходила в восхищении от красоты умирающего дня, но ни слова не ронял.

Так пришла осень. Зачастили дожди. В театре ставили пьесы "Трагическая история доктора Фауста"¹⁰ и "Пигмалион"¹¹, а также премьеры комедий. Фрэнк доставал им билеты на спектакль в партер. Эмма грустила, даже когда постановка требовала от зрителя по-меньшему улыбку. Фрэнк аплодировал без устали, широко улыбаясь, а большие карие глаза лучились бодрым всплеском эмоций. Сосредотачивая в себе терпение, Эмма не выбивалась из общей аудитории и тоже купала труппу в овациях. Фрэнк, замечая за ней искру задора, снова дружески улыбался.

На прощание Фрэнк всегда жал Эмме руку с невероятной аккуратностью, лаской, и она начинала страдать от его целомудренной сдержанности. Оставаясь же с Фрэнком наедине, её сводила с ума мысль о поцелуе, которым он без труда воспламенит её губы. И она спрашивала себя, почему он медлит?

В те нестерпимые дни ожидания её сморила меланхолия, заключенная в сомнениях: а настолько ли хороша она собой, как вбивала ей мать? Столько времени они ходят там и сям, а от него никакой инициативы. Неужели он не питает к ней симпатию!? Да что там симпатия, если она любит его всем

---

¹⁰ Трагедия Кристофера Марло.

¹¹ Пьеса Бернарда Шоу.

своим юным животрепещущим сердцем!? Пускай он не наделен безусловным вкусом и увлекается пустым (разве мазня в галереях, хоть и известная, а также набор музыкальных нот – стоят шума, которым удостаивает их Фрэнк?). Да, ей не интересен театр: артисты в её представлении не личности, разыгрывая из себя тех и других, они не имеют собственного лица. Музыканты в большинстве своём пьяницы и лентяи, а музыку необходимо слушать лишь в редкую стежку, когда приедается обыденность.

Но даже вопреки этому её существо тянулось к нему. Эмма молила себя набраться покорности, украшающей девушку. И она ждала. Прошел месяц, и два прошло, но Фрэнк оставался любезным всезнающим кавалером, не посягающим на честь влюбленной девушки, и по-прежнему дарил ей только долгое уверенное рукопожатие. Так летело время, оставляя в прошлом год трогательных благопристойных встреч.

В Лондон нагрянула зима. В конце января город захватила страшная метель. Видимость составляла не больше двух ярдов, автомобили стали редким гостем дорог: водители проявляли благоразумие обождать, пока несвойственное Лондону явление затихнет, а Фрэнк жил вдали от Эммы. Она додумалась, что Фрэнк не посмеет выйти из дома в такой буран. Стараясь сохранять непринужденность, особенно в присутствии матери, она ждала от него вестей. Но он не звонил и не прислал записку. Метель разыгралась на три дня, не давая никаких надежд на встречу.

Но на четвёртый день, когда буря оставила город справляться с последствиями своего гнева, Фрэнк всё-таки объявился, причём с обещанной год назад "Принцессой Клевской". Долгая разлука послужила толчком к переменам в девушке. Эмма, измученная тоской, растеряла терпеливость, а следом и показную уравновешенность. На этот раз влечение к нему было столь безудержно, что – едва миссис Морган оставила их на минуту, а Фрэнк в тот момент просвещал Эмму о поездке в Венецию в позапрошлом году – Эмма без слов поцеловала его улаждающим прикосновением: коротким, но достаточным, чтобы понять всю прелесть жаркой кожи её нежных губ. Фрэнк оборвался на последнем до поцелуя слове, замер и глянул на Эмму долгим необъясни-

мым взглядом. Если уж что и крылось за ним, так это весомое удивление. А ей хотелось увидеть в нём счастливый блеск и теплоту. Потом он поглядел в окно, где солнце укрылось за шеренгой низких туч, подумав о чем-то своём. Эмма сразу подметила, что его глаза блуждают далеко за пределами стекла. Ей досаждало его безразличное молчание. Она задумала извиниться за свой поступок, но тут с работы пришёл мистер Морган. По-доброму он поприветствовал двоих, и завязалась беседа.

Дружба Фрэнка с Эммой приходилась ему по нутру. Хорошего образованного собеседника днём с огнём не сыщешь, а будущий врач – интеллигентная компания. Всерьёз мистер Морган Фрэнка не воспринимал, а только как сына доктора Чарли О'Брайна.

Вернулась миссис Морган, разрешив дела на кухне, а спустя четверть часа Фрэнк заявил о своём уходе и, согласно правилу, распрощался со всеми. Эмме напоследок он даровал тёплый скорый взгляд, без намёка на улыбку. Душа Эммы тихонько стонала в груди от его неприступности. Она поняла, что недооценила поклонника – он безразличен к ней. Ему нравится водить её в приличные места: ведь приятно сидеть с обворожительной девушкой и доказывать самому себе безо всяких прикрас, чего заслуживает в жизни. Она скрашивает его одиночество, и отринуть такой дар с его стороны было бы неразумно. Вот он и пользуется удачей. Сомнения мучили девушку до рассвета.

Утром, едва солнце коснулось земли, выглядывая из белых пушистых облаков, Эмма получила письмо от Фрэнка. В нём говорилось, что намеченная ими встреча вечером состояться не может по вине непредвиденных обстоятельств, требующих личного присутствия Фрэнка. Он также извинился, что посмел отчитаться в письме, а не собственной персоной. Эмма вспыхнула, скомкав лист, написанный мелким, вылушеченным почерком, и бросила его в камин. Перво-наперво она подумала, что таким неприемлемым образом он собирался порвать с ней, испугавшись сказать подобное ей в глаза. Она закурила. Обвиняя себя в том, что снова поддалась воле порока – нетерпеливость очень мешала ей жить – она мыслями ушла в себя. Разве могла она терпеть дольше, чем уже терпела? Год – это двенадцать долгих месяцев, и за триста шестьдесят пять дней он даже не удосужился её разочек поцеловать. А, между тем, ей уже двадцать с хвостиком! Чего доброго, годик-другой пройдёт, а на третий её назовут старой бездетщиной. Уж этого выждать не придётся – окружающие так и высматривают нового барашка для жертвенного приношения на ложе пересудов. Она выбросила сигарету в камин, следя, как пламя пожирает брошенный лист желтоватой бумаги, и аккуратные черные буквы исчезают, как заклинание, написанное на древних рунах. Она пришла к идее не отвечать на его письмо, давая повод нагрять к ней с визитом.

Но Фрэнк не приехал, и через два дня написал, что снова

не располагает временем, чтобы выбраться с ней на прогулку. Злость её не различала меру; она рвала и метала, бросаясь быстро слоняться по комнате в тени вечернего уныния. Мать заглянула к ней и звала к ужину, но Эмма отказывалась. Вопросы о Фрэнке – почему не является и куда запропастился – звучали из уст миссис Морган с радостной насмешкой, и Эмме было непонятно, откуда взялась торжествующая радость её матери.

Спать Эмма легла поздно, так и не поужинав. А утром снова пошел снег: мелкий, скудный и очень мокрый. Ей хотелось увидеться с Фрэнком. Ярость отпустила девушку, но порыв не утратил силу, а отнюдь – заимел над ней полную власть.

Припомнив места, где обычно уединялся Фрэнк – а именно библиотека в Сент-Джеймсе и ресторан на Кэмпден-Хилл-роуд – она подумала, что следует отправиться туда и побродить по окрестным улицам, а если посчастливится его увидеть – самой порвать с ним всякие отношения.

Ничего не говоря матери, она оделась и, добравшись автобусом до Сент-Джеймс-сквер, вышла на суетливой улице, где пешеходов было столько, что частенько приходилось уклоняться от столкновения плечами. Тающий снег превращался в мокрую грязь. Небо облачилось в серую вату, и находиться на улице было неприятной необходимостью.

В тишине библиотеки стоял аромат старой бумаги и тяжелой пыли. В приглушенном освещении теснились высокие стеллажи; на полках чередовались книги: толстые и одина-

ковые по высоте, с переплетами красными, черными и серыми. Дубовые лакированные столы шли двумя ровными рядами, оставляя широкий проход. За первым столом сидела седоволосая женщина с пенсне, увлеченно перелистывающая перед собой страницы большого тома; а через два стола расположился Фрэнк в костюме из твида. Он смотрел в книгу с усердной сосредоточенностью, от которой, чудилось, бумага с минуту на минуту воспламенится и сгорит дотла. Он слегка откинулся на стуле и чесал по щеке рядом с ухом. Увидев его чистые невинные глаза с кофейным оттенком, маленький носик и желанные губы, Эмма вдруг оплыла. Сорные мысли больше не руководили ею. Он был мил, спокоен, задумчив. Темноту его густых волос, приглаженных помадой, выгодно подчеркивал светлый пиджак. Щеки излучали розовый отсвет, и весь его лик испускал некое обольщающее благоухание. Пока Эмма стояла в паре шагов от него, Фрэнк невзначай поднял глаза, переворачивая прочитанную страницу, и крупные глаза засверкали.

– Эмма... Какая неожиданность! – улыбнулся он спокойной улыбкой, будто они условились встретиться именно в цитадели знаний.

Эмма почувствовала, как знойное сердце рвется из груди и горит ещё большей любовью. Да, она любит его! Так сильно, что отречься от него не сможет даже под дулом пистолета. Наблюдая, как он уравновешен, Эмму снова посетила мысль, что вернётся домой ни с чем: отвергнутая, необласканная,

ждушая дальнейшего развития событий. Такие выводы были ей нестерпимы. Набрав полные лёгкие воздуха, она оставила всякие правила пристойности и твёрдо заявила.

– Фрэнк, женитесь на мне.

Она стояла перед ним в заснеженной шубке. Каштановые волосы, собранные по моде, приподнятая чёлка и прекрасные голубые глаза сверкали одинаковым глянцем. Её грудь поднималась прерывисто. Она часто дышала, будто не могла надышаться. Фрэнк пораженно моргал, отложив книгу в сторону. Молчание длилось монотонные секунды, но ей они представлялись долгими часами. Её разрывали неопределенность и безмолвие библиотеки. Никто не отвлекал их, и Эмма с радостью бы подвела стрелки часов, чтоб услышать его ответ. Сколько же он будет молчать?!

– Или я не достойна стать вашей женой? – холодно дополнила она.

Фрэнк опустил глаза и удивлённо уставился на книгу; снова прошелся взглядом по библиотеке, будто его волновало, сколько собралось читателей. Эмма находилась в шаге от слез. Они наполняли её выразительные глаза небывалой мольбой. Ей стиснуло грудь. Стало душно, и воздух казался таким бедным, что легкие лишь частично получали дозу необходимого кислорода.

И тут Фрэнк встал и подошёл к Эмме. Уверенность его шагов несла в себе нечто утвердительное. Эмма ощутила недомогание, когда он с безграничной лаской взял обе её ру-

ки и поднёс их по очереди к своим тёмно-алым губам.

– Лучшей жены мне и в век не сыскать, – сказал он с деликатной улыбкой, привлекая её к себе.

Не сумев подавить эмоций, Эмма разрыдалась, и пока из неё выходили горечь и мучительное страдание тех дней одиночества, Фрэнк продолжил говорить спокойно, но с пугающей осторожностью.

– Я не в силах надеяться, что миссис Морган примет меня в вашу семью. Я недостоин тебя, Эмма. У меня нет высокого положения, нет богатств и больших сбережений. Я нахожусь на открытом пути, где только ветер и пустошь, где самому придётся возводить себе жилище, условия и счастье; придётся приспособлять себя и тебя существовать на этом пустынном отрезке земли. И, как и всякому, кто начинает вести самостоятельную жизнь, я буду трудиться, не покладая рук, чтобы обеспечить нас. Легко нам не будет, это уж точно!

Эмму так распалили жаркие речи возлюбленного, что ей захотелось превзойти его в любовном признании.

– Ну и что? – экспансивно выпалила она. – Я не боюсь трудностей и хочу принадлежать одному лишь тебе! И телом, душой! Я замираю от мысли, что мы будем вместе засыпать и просыпаться, преодолевать горести, переживать радость. Ах, Фрэнк, как мы будем счастливы!

Эмма заплакала ещё сильнее, выпуская все накопленные чувства на волю. Фрэнк погладил её по волосам, что дало ей больше пыла плакать в три ручья. Голос его, приятного

низкого звучания, не утрачивал осторожности.

– Да, я бы тоже этого хотел. Но миссис Морган прочит тебе в мужья другого мужчину. Нам лучше не делать глупостей. Это оскорбит её.

Эмма резво отстранилась, утирая слезы.

– Мама поймёт, не сомневайся, поймёт! Я люблю тебя, Фрэнк! И жизни без тебя не мыслю!

– Моя дорогая, и я тебя люблю! – улыбнулся он, заключая её в тесные объятия. – Ты никогда не пожалеешь, что стала моей!

После обеденного часа Эмма, до предела взбудораженная и счастливая, собрала мать и отца в одной комнате. Мистер Морган сидел с присущей ему мягкой улыбкой в торопливом предвкушении, что приготовила им дочь. Совсем по-другому вела себя миссис Морган. Крайне бледная она сложила руки на коленях и еле держалась, чтоб не упасть в обморок – в ней засело дурное предчувствие. Эмма подскочила к ним и упала на колени, взирая с жалостливым отчаянием то на отца, то на посеревшую мать. Её глаза небесной глубины смотрелись невинно и трепетно.

– Мама... Папа... Я так счастлива! – на лице Эммы навернулись правдивые слезы. – Я благодарна вам за всё, что вы для меня сделали. Конечно, в душе я остаюсь вашей маленькой Эммой. Но мне уже скоро двадцать один, я хочу наконец повзрослеть и начать самостоятельную жизнь, к которой вы столько лет меня готовили. Я не буду больше ходить вокруг да около...

Эмма уронила взгляд, давая слезам счастья скатиться по бархатным щекам, и снова воззрела на родителей. В той мимолетной паузе миссис Морган испуганно схватилась за сердце, а отец, изогнув брови в согревающей теплоте, ждал разъяснений.

– Я выхожу замуж за Фрэнка О'Брайна.

Некоторое время все трое молчали: каждый в занятой ранее позе. Мистер Морган ослабил брови, и виделись они не столь дружелюбно, как до монолога Эммы. Луиза, в брэнном ужасе вытаращив глаза, бессознательно прикрыла рот рукой. Моргала она как-то странно: медленно и с усилием, словно веками желая отмахнуться от тающих в тишине звуков безрассудного голоса дочери. Сердце Луизы билось едва слышно, и, казалось, бьётся оно в чьей-то чужой груди. За последние полгода ей пришлось приложить немало усердия в бою с растущим сомнением и уверить себя, что дружба с непредставительными О'Брайнами не принесёт злостных последствий. К несчастью, интуиция её не подвела, и Луиза мысленно досадовала на себя за то, что легкомысленно отнеслась к этой бесцельной связи дочери. Надо было вмешаться, принять меры, настоять на разрыве отношений, но Луиза слепо плыла на лодке судьбы, отказываясь управлять вёслами.

– Что ты сказала, Эмма? – отрывисто выдохнула она.

– Мама, – Эмма с любовью взяла руки матери в свои, – я знаю, вы не очень благоволите Фрэнку... Но он чудесный! Воспитанный, образованный, чуткий, и через пару лет получит медицинский диплом. Разве плохо иметь в семье врача, причём достойного? Сколько хорошего нам сделал Чарли О'Брайн? Он вылечил вас, разве не его вы считали хорошим и почтенным человеком?

– Но он всего лишь врач! – возмутилась Луиза, не по-

нимая, как дочь смеет проявлять невежественность в умении разграничивать достойных от посредственных. – У него никогда не будет карьеры, он на всю жизнь останется простым врачом! Да, спасти жизнь – дело благородное, но он не джентльмен, – миссис Морган злобно вырвала свою руку из руки дочери, – и он не достоин тебя!

– Как вы жестоки, мама, и малодушны! – слезы Эммы ушли, сменяясь на ядовитый огонёк. – Ведь мы самая обыкновенная семья в Лондоне. Если уж оценивать человека только по кошельку – мы тоже недостойные люди.

Вмешался мистер О'Брайн, аккуратно положив свою руку на ладонь Эммы. Глядел он осторожно.

– Доченька, может, твоя мать права и стоит обдумать всё получше?

Лицо Эммы извратилось гневом. Вскочив на ноги, она ринулась к окну, устремляя отчаянные глаза пол, а мистер Морган продолжал внушительным тоном.

– Ваша приятельская дружба была мне мила. Парень он неплохой и деловитый, слов на ветер не бросает. Но и ты войди в моё положение. Ты мой единственный изумруд! Разумеется, рано или поздно мне бы пришлось расстаться с тобой, в этом твоё предназначение – создать свою семью. Но теперь, когда время пролетело так быстро, что я не успел опомниться, и ты в дюйме от серьёзного решения, я бы попросил тебя обдумать всё холодной головой, без амбиций, к которым, увы, ты достаточно склонна.

– Я не изменю решения! – Эмма встряхнула головой, прищулив глаза от решимости. – Я люблю его! Разве такого повода недостаточно, чтобы связать наши судьбы? Если я не выйду за Фрэнка – я вообще никогда не выйду замуж!

Неизвестно, чем бы кончился сей накаленный разговор, если бы не зазвонил телефон. Мистер Морган ответил, долгое время слушал молча, затем дважды неосознанно кивнул, бросил два коротких слова согласия и, попрощавшись, повесил трубку с мрачным озадаченным лицом, которым обратился к жене.

– Звонил Фрэнк, Луиза. Он приглашает нас троих завтра к себе пообедать.

– И ты согласился? – чуть ли не вскрикнула миссис Морган.

– Я не мог поступить иначе, это невежливо! В конце концов, мы же не дикари неотесанные! Да и приглашение скорее звучало от имени Чарли. Он-то нам плохого ничего не делал.

На следующий день с тяжёлым сердцем семья Морган отбыла на обед. Погода стояла чудесная, небосвод окутывал землю своим чистым, ясным как лазурит, покровом. Воздух прогрелся, и уже никому не верилось, что зима так жестоко обходилась с ними неделю назад. Скорое приближение весны дарило им надежду на радость, и все выжидали, когда природа встряхнется от зимнего сна и возродит душевные пейзажи тепла и ярких красок. И разодетые лондонцы, слоняющиеся от скуки, выглядывали эти пасторальные этюды и

сыпали улыбками. Эмма тоже улыбалась им беззастенчиво, жадно впитывая взгляды прохожих, с которыми стремилась поделиться своим нескончаемым счастьем. Те, кто охотно ловил ту заряженную улыбку, не оставались равнодушными и улыбались ей в ответ.

К удивлению Луизы, жилище О'Брайнов не являлось тесными арендованными комнатами. Это был складный дом из белого кирпича, массивный, квадратный, с двумя этажами, эркером наверху, крытым портиком и облагороженной лужайкой, где летом стелется пышная трава и зеленеет самшит. Эмма злорадственно глянула на мать, а та с немым недоумением останавливалась глазами на клумбах и больших окнах выступающей части фасада.

— Они точно живут здесь? — тоже смутившись, уточнил мистер Морган.

Луиза достала из сумочки пенсне и сложенный лист, где мистер Морган на всякий случай записал адрес Чарли О'Брайна.

— Всё так, если верить сведениям на бумаге, — подтвердила Луиза.

Хихикнув, Эмма поспешила к порогу. Дверь им отворила солидная горничная, в платье с оборками и стоячим воротничком, одетая чуть ли не лучше самой миссис Морган, которой от сего наблюдения стало неуютно. Горничная забрала их верхнюю одежду и любезно пригласила проследовать в гостевую комнату, где мистер О'Брайн примет их.

Ещё в дверях той самой гостевой комнаты появился высокий дюжий лакей, очень молодой и тоже опрятно одетый, и предложил следовать за ним. Эмма уже бывала здесь на чаепитии и потому шла, глядя вперёд, а родители Эммы вертели головой туда-сюда, не понимая, откуда взялась вся эта помпезная обстановка у простолюдина, принимающего больных в амбулатории.

Мистер Морган – человек утонченных позиций, смело понимающий в искусстве, видел в ней успокаивающую красоту. Он считал, что нельзя обойтись без картин, несущих некий божественный уют в суетность дней, когда перед глазами мелькают одни белые листы и черные буквы. Ему не доставало этой красоты на рабочем месте. А здесь он очутился в среде, где красота обитает вокруг: репродукции Мане, Дега; скульптуры, оживляющие черты творений Микеланджело; пузатые вазы с росписью греческой мифологии – на одной признал Геракла, на другой Ареса и Аида. Везде лежали гладкие ковры с ярким орнаментом, мебель эпохи Людовика XIV впечатляла красным деревом и черно-золотыми элементами отделки стен. В апартаментах смешался дух богатства и романтизма. Безусловно, О'Брайнов нельзя упрекнуть в безвкусице и нищете.

У Луизы Морган недоверчиво приоткрылся рот. Она никак не ожидала побывать в таком отличном доме, где поработал исключительный интерьерный мастер. Лакей распахнул двери, и трое вошли в такую же богатую комнату с раз-

машистыми креслами посредине, столиком-буль рядом с ними и роялем в дальнем углу. На столе лежал поднос с закусками, бренди, виски и содовая, чашки из тонкого хрупкого фарфора и чайник из коллекции дорогих сервизов.

– Располагайтесь. Мистер О'Брайн спустится с минуту на минуту, – сказал лакей и удалился, не поворачиваясь к гостям спиной.

Спустя пару мгновений двери стремительно распахнулись, и в комнату с представительной улыбкой залетел Чарли О'Брайн. Его массивное плоское лицо истончало доброжелательность и здоровье. Удлиненные волосы до мочек ушей, полностью седые, такие белые, что напрягало глаза, зачесаны слегка назад, дабы не нарушать правильный контур лица. Брови тоже белые, как у старца, колосились над темными глазами. Он был воплощением добра, воином божьей армии, и белый халат был тем самым необходимым атрибутом, который завершал образ спасителя. Он обладал твёрдой походкой, ходил всегда очень быстро, и могло показаться, что постоянно куда-то не поспевает. За его массивными плечами не сразу был виден Фрэнк, отстающий от отца в росте на полголовы. Фрэнк глазами разыскивал Эмму. Пока родители расшвыривались любезностями, она аккуратно приблизилась к нему.

– Ничего не вышло, Фрэнк, – горестно шепнула Эмма. – Родители против.

Фрэнк загадочно улыбнулся.

– Предоставь это мне.

Разговор клеился, как надо. Чарли справлялся о здоровье Луизы, а она, не допуская и капли лицемерия, отвечала ему мило, но весьма натянуто. Мучимая любопытством и тревогой, она не знала, куда себя деть лишь бы поскорее начался разговор о том, для чего их туда созвали. Зато мистер Морган, не забивающий голову женским мусором, совершенно поплыл, когда ему сказали, что выглядел он, как Александр Македонский в полном расцвете сил. Падкий на комплименты, которые, надо сказать, толком не получал, так как родился не женщиной, он никогда не задумывался о том, как действительно выглядит глазами посторонних. Он был довольно щуплым, но жилистым, имел мягкий, очень красочный баритон и нафабренные усы, пикантно добавляющие облику гусарских акцентов. Да и глаза у него были маленькие, бесхитростные, больше глуповатые. Лесть порадовала его уши, и мистер Морган был настроен только на мирные беседы.

– Могу я предложить напитки? – с улыбкой осведомился Чарли.

– Да, в горле пересохло. А у вас тут целый арсенал бутылок, – посмеялся отец Эммы.

Чарли расхохотался веселым задором, и мистер Морган подметил, что за всю свою жизнь не посчастливилось ему слышать такого чудесного открытого смеха.

– Я вам хочу признаться, что жить как герцог далеко нелёгкая задача. По ночам я часто просыпаюсь от ошуще-

ния, что падаю с кровати, подойти к которой можно с обеих сторон, а не с одной, как было принято в нашей квартире, где кровати стояли у стены.

Снова посмеялись. Морганы восприняли слова Чарли с юмором, тогда как доктор отпустил правдивое замечание. Чарли подался к столику и налил порцию бренди, и мистер Морган припомнил, что ни разу не заставлял врача с алкоголем в руках.

– А вы, Чарли, что же, совсем не пьёте?

– Нет, я придерживаюсь чисто профессионального мнения, что каждая из тех красивых бутылок с заманчивой этикеткой – медленный, но верный яд. И пьянство ничуть не лучше самоубийства. Трезвость мыслей очень важна в моей профессии. Да и, между нами говоря, формулы бренди так впечатляют своей наглядностью, что, право, зная их, пить уже не хочется.

Они снова подняли волну смеха, на этот раз не устояла и мать Эммы.

– Чего у вас не отнять, доктор – так это прямолинейности! – подчеркнула Луиза.

Радужно улыбаясь, Чарли поднёс стакан мистеру Моргану и спросил Луизу, что предпочтет она. Вскоре мистер и миссис Морган (в коем– то веке от волнения позабывшая о желудке, ибо нервы куда важнее) пропустили по стакану бренди; Фрэнк и Эмма испили кофе, а мистер О'Брайн выпил свой стакан с впечатляющим удовольствием, и никто б и гла-

зом не повёл, что там находилась обычная минеральная вода, а не какой-нибудь прелестный нектар Богов из сердца Сицилии. Обстановка обогатилась бы тишиной, если бы врач, прозорливо чующий неловкие паузы, не скрасил бы её своим звонким бойким голосом. Надо заметить, что напряжение чувствовали все, кроме самого Чарли. Он отшучивался и смеялся, говорил, что будь у него в запасе скверная привычка курить, сейчас настало бы самое подходящее время уничтожить сигару. Мистер Морган курил изредка, но тут, восхищенный приёмом, захотел получить от жизни все улаживающие дары. Потому счёл предложение уместным, высказываясь о том во всеуслышание. Что плохого после бренди почуять послевкусие табака? На этот случай Чарли О'Брайн всегда имел запас кубинских сигар, подаренных ему пациентом. Подарок, конечно, виделся Чарли ножом, который не вонзили в спину, а положили рядом, так, на всякий случай. Однако, благодаря компромиссной мягкости из любой ситуации доктор выходил с разряжающей шуткой.

Чарли требовательно относился к собственному здоровью, а также видел своим долгом оповестить другого человека о пагубности привычек в лёгкой необязывающей форме. Настаивать, а уж тем более осуждать понятия других считал открытым вторжением на частную территорию, недопустимое ни под каким видом.

Итак, собираясь искурить сигары, они прошли в другую комнату, чуть меньше предыдущей, ничуть не уступающей в

пышности интерьера. Затем врач в шутливой форме попросил Эмму и Фрэнка оставить их.

– Ни к чему вам взрослые разговоры, дети мои, – подмигнув молодым, он показал жестом на дверь.

Двое вернулись в гостевую. Проявляя бдительность, Фрэнк заметил волнение Эммы и всеми доступными способами принялся убеждать её, что всё обойдётся, заботливо обнимал её и целовал её тёплые руки. Это были прекрасные минуты. Её суетливое сердце билось в унисон с его, а за тонкой стеной той минутой решалась их судьба.

Через десять минут улыбчивый О'Брайн и Морганы вошли в гостевую, и Чарли торжественно объявил о помолвке молодых и свадьбе в конце месяца.

– А чего тянуть!?! – смеялся Чарли, сверкая зубами. – Как говорится, "куй железо, пока горячо! "

Эмма никак не могла взять в толк, почему лица родителей довольные и радостные, особенно мистера Моргана. Любопытство было удовлетворено тем же вечером.

– Ты знала, дорогая, что О'Брайны – люди весьма обеспеченные? – вдруг спросила Луиза, когда Эмма помогала накрыть ужин на стол.

– Разве они обеспеченные?...

– Еще как! Представь себе, некий знатный пациент оставил Чарли в наследство два больших дома, ценные бумаги и некоторые коллекционные картины. Теперь они всю жизнь могут не работать, им с лихвой хватит нажитого имущества.

Великолепно правда, что вы помолвлены?

Эмма скривила губы в язвительной иронии.

– Помнится, ещё вчера ты отказывалась иметь дело с недостойными людьми... Как быстро, оказывается, можно получить почётное место в обществе: всего – то два дома и ценные бумаги.

Миссис Морган поставила блюдо спаржи на стол, покрытый скатертью, и поглядела на дочь невинными глазами.

– Дорогая моя, когда ты начнешь разбираться в людях так, как разбираюсь я – ты добьёшься колоссальных успехов! О'Брайны не только достойные, они ещё и очень щедрые. Фрэнк отказался от дома во Франции, подаренного ему отцом, в нашу пользу. И теперь мы можем перебраться в Ля-Морель и, наконец, зажить так, как заслужили нелегким трудом и порядочным образом жизни. Я буду устраивать там обеды, ужины каждый божий день! И все будут говорить, какая благородная женщина – Луиза Морган, гробившая свои дни в скучном Лондоне.

В эйфории миссис Морган направилась на кухню. А Эмма осталась у стола с видом понимания и усмешки, и, когда та вернулась с хлебом, Эмма отписала ей непристойное замечание:

– Интересное положение: Фрэнк купил нас с потрохами, а вы, мама, радуетесь тому, что продали родную дочь за дом в Ля-Мореле?

Луиза выпятила округленные возмущением глаза.

– Откуда у тебя такие глупые мысли!? Единственное, чего я жажду всем сердцем – так это чтобы ты была счастлива, и само собой, обеспечена. И если хочешь знать, Фрэнк подарил нам не обычный дом. Находится он в престижном районе, у него два этажа и прислуга! – Луиза трагично выдохнула. – Пойми наконец, мне меньше всего хочется, чтобы ты работала, как проклятая. Мы дали тебе неплохое образование, но у тебя, дорогая моя, и чайник в руках не задерживается. – Луиза приобняла Эмму за плечи. – Ты не создана для работы, ты создана для любви. Так пусть ваше счастье длится вечно!

Мистер Морган тоже пребывал в прекрасном расположении духа, и как только радость плотного обеда О'Брайнов иссякала, он садился обратно за бумаги и перечитывал слова дарственной на дом. В нём не было столько честолюбия и снобизма, как в жене, но почему бы не совмещать приятное с полезным? Он столько лет положил на контору, трудился от зари до зари, брал уйму работы на дом. Пора бы и честь знать! Силы человеческие не вечны, и он вполне заслужил немного расслабляющего покоя. Как любящий отец, он прежде всего радовался, что Фрэнк – очень порядочный, разумный мужчина. Он не из тех, кто рукоприкладствует, пьянствует и живёт распутно. А разве существует нечто более важное, чем преданность и спокойный быт?

Таким образом все находились в приятном ожидании церемонии. Особенно Эмма пребывала в волнительном нетер-

нении получить статус жены достойного и умного врача. Эта сладостная вероятность будущего доводила её до всепоглощающего экстаза. Распаленное, как уголь, сердце начинало чеканить ритм без остановки. Одно лишь смущало её: почему Фрэнк, располагая к ней любовью, отказывался свидеться с ней в дни нещадной метели.

При первой выпавшей возможности она спросила Фрэнка, и тот, будучи мужчиной честных правил, не стал уклоняться от вопросов, которые стоило разрешить до свадьбы.

– Мне пришлось отбыть в Ля-Морель к матери, – пояснил Фрэнк. – Она недавно переехала туда, а накануне той лондонской метели сломала ногу. Я очень беспокоился и поехал проведать её.

Хоть значительную часть юности Фрэнк провел рядом с Чарли и теперь – когда их объединяла общая спасительная цель – жил рядом с ним, Фрэнк всё равно страдал большей привязанностью к матери. Прислужой Габриэла О'Брайн не бедствовала, но ей не доставало присутствия сына, способного улучшить её здоровье одним лечебным словом. Умея повлиять на мнение сына добрыми словами, она всегда брала верх над его желаниями.

Выслушав будущего супруга, Эмма сочла поступок Фрэнка верхом благородности. Её раздувало от гордости и уважения, что он так ценит родную кровь. Это верный признак процветания их семейного союза и того, что Эмму он никогда не обидит, как не обидел бы собственную мать.

Эмма не выставляла притязаний, когда Фрэнк, сумев договориться о дальнейшем обучении в Ля-Мореле, изъявил волю уехать туда пожить до свадьбы. Чарли, окруженный сотнями пациентов, объяснил Фрэнку, что не представляет возможным отъехать из Лондона даже на день, чтоб не выпасть из плотного графика приёма. Габриэла О'Брайн осталась одна-одинешенька среди многочисленных прислужок, и у Фрэнка сердце было беспокойно, как она там справляется в одиночестве.

Считая беспокойство и заботу Фрэнка необходимой платой матери за подаренное добро, Эмма решительно сказала:

– Поезжай, Фрэнк. Скоро мы будем всегда вместе.

Она тепло поцеловала жениха в щеку, украшая губы застенчивой улыбкой.

– Ты правда не обидишься? – Фрэнк глядел на Эмму с восторгом, от которого она лишь утвердилась в своём намерении послужить жениху опорой.

– Нет конечно! Ей сейчас нужна твоя забота.

– Господи, как же мне повезло с женой! Я люблю тебя, Эмма! – они обнялись, а их сердца одинаково наполнялись любовью и уважением друг к другу.

Пока он жил в Мореле до свадьбы, а Эмма тосковала по нему в Лондоне, общались они мало: иногда по телефону, реже – писали письма. Желая проявить свою глубокую чувственность, Фрэнк пыжился изо всех сил выразить на бумаге свою любовь к Эмме. Но вместо ласковых признаний

у него получались топорные, мужланские послания, которые удивляли его самого. Он рвал листы и снова брался за работу. Увы, количество попыток не наделяло его слова умиляющей теплотой. Потому обходился он пятью строками, в которых кратенько излагал вести.

Такая переписка ужасно огорчала молодую невесту. Её мечты зиждились на необузданном влечении к нему, любви и полном увереннии, что никого больше не полюбит также сильно. А бесчувственные эпистолярные отношения сбавляли в ней жар, противоестественно наводя смуту в мыслях.

Однако, день свадьбы близился, и она находила в этом своё ненаглядное утешение.

Ветер перемен не заставил себя ждать, привнося в мелодию семейного счастья скверну гнетущего реализма. Венчание проходило на чинном уровне согласно канонам англиканской церкви и завершилось в апартаментах дома О'Брайнов.

В тот ненаглядный день Эмма получила первый урок, который оставил неприятный осадок. Пока шла брачная процессия, Эмма не смела думать ни о чем, кроме Фрэнка, их весёлого будущего и любви. Но в разрез ожиданиям девушки, жених расточал улыбки и с радостью получал комплименты. Эмма ловила его взгляд, а он смотрел вокруг с довольным лицом, наблюдая, как гости полушепотом восхваляли новобрачного.

– Красавец, хоть и юный! – говорила миссис Б.

– Да, такой далеко пойдёт! – кивнула рядом стоящая мисс Л.

У Эммы создалось ощущение, что быть в центре внимания для Фрэнка важнее, чем смотреть на жену и вздыхать о предстоящем семейном блаженстве. Эмма оскорбилась до крайности, но виду не подавала, желая сохранить праздник.

После церемонии они обсудили, как провести медовый месяц. Планы сосредоточились на поездке в Рим, куда Эмма грезила поехать. Фрэнк любил постоянство. Смена обста-

новки уничтожала в нём самоуверенность. Приспособление к новому отнимает силы и время, а в последние годы Фрэнк научился ценить и то, и другое. Но как бы там ни было Эмме он уступил, обещая отправиться в путь в июле, до которого оставалось чуть больше четырёх месяцев. Эмма примерно ждала.

По прошествии трёх дней Фрэнк настоял на желании перебраться в Ля-Морель и приглядеть за больной матерью. До венчания Эмма имела радость видеть её дважды. Это была очень красивая женщина с высокими скулами, гладко вычерченным лбом, тонкими бровями, очень худая исполинка, но безмерная худоба была ей только к лицу. Если бы за то, каким человек наделён сердцем, отвечали бы размер и форма глаз, безусловно, Габриэла О'Брайн могла бы с честью заявить, что получила самую большую душу, какую только можно себе вообразить. Её родители – чистокровные французы имели своё гончарное дело в Ромнише (в сорока милях от Ля-Мореля). Она была воспитана, образована, прекрасно держалась в седле и играла на фисгармонии. Речи её текли рекой; многие считали её истой резонеркой. Эмму она приняла тепло, и они сразу нашли общий язык. Могли рассуждать о важном и повседневном с лёгкой непринуждённостью. Эмма была счастлива.

По весне у Фрэнка началась медицинская практика в больнице Св. Дионисия. Приходилось отдавать по восемь, порой десять часов в день на первичный осмотр пациентов.

Работа была непростая и нервная; некоторых больных доставляли без сознания, отравленных алкоголем или прочей дрянью, с поломанными конечностями или вспоротым животом. Фрэнк совершал самую грязную работу: бинтовал, промывал раны, ассистировал, ставил дренажи, убирал всякие испражнения, и делал это с терпимым добродушием, не разграничивая бедных и богатых, пропащих и солидных – всех ровнял одной линией, и каждому оказывал надлежащее внимание, согласно данной клятве служить людям со всей душой и преданностью.

Домой Фрэнк возвращался после семи вечера. Эмма умела кое-что готовить из еды и, отпустив кухарку раньше положенного часа, вызвалась сообразить ужин сама. Она обольщалась, что, сделав Фрэнку приятное, он станет любить её ещё сильнее.

Пока отменные блюда томились на газу, Эмма проглядела все окна. Не прошло и полминуты, она в бесчисленный раз отодвигала занавесь и всматривалась в темноту безлюдного двора. Её сердце стучало в быстром ритме радости от всякой тени, внезапно возникшей перед портиком дома, и сильно расстраивалась от того, что тень не принадлежала супругу.

Ужин был готов незадолго до прихода Фрэнка, уставшего, но довольного тем, что его встречают с почестями.

– Как пахнет! – потирая вымытые руки, он прошёл к столу. – Я готов съесть целую свинью!

– Садись, я тебя покормлю.

С улыбкой Эмма закончила накрывать на стол, и зашла прислуга, сообщив, что больная миссис О'Брайн просит сына подняться к ней. Фрэнк ласково поцеловал жену и поднялся наверх, а когда вернулся – выглядел опечаленным.

– Ты не огорчишься, если поужинаю с мамой? – спросил он, обняв Эмму со спины. – Сегодня ей не здоровится, нога не даёт покоя. И она очень скучает в четырёх стенах.

Эмма выстрадала улыбку, а сердце кольнуло болью разочарования. Готовясь к вечеру, её переполняло стремление разделить ужин на двоих, побыть наедине, чтобы наверстать часы разлуки. Ей определённо не доставало его. Она вспомнила, сколько печали хапнула, когда жила вдали от него до свадебной церемонии.

Тем не менее она не упрекала Фрэнка в отчужденности, уповая на медовый месяц, где они уж точно будут счастливы. А кроме того согревала в душе эгоистичную надежду, что миссис О'Брайн поправится – чего ей искренне желала – и они отбудут с Фрэнком в Лондон вдвоём и навсегда. Там наедине он отвлечется от забот и полностью отдастся любви с юной женой. Но ко всеобщей печали, дела со здоровьем Габриэлы шли туго.

У Эммы не было никакого желания ссориться с мужем в самом начале любовной тропы, и она пересилила бунт кипящей страсти.

– Конечно, я не против. Велю отнести блюда наверх.

– Ты не сердишься? – уточнил Фрэнк.

– Нет, ей действительно сейчас нелегко.

Фрэнк отпустил одну руку, все ещё обнимая другой супругу.

– Ты настоящее чудо!

Он поцеловал её в лоб и очень усталым шагом поднялся по лестнице. Горничная отнесла ужин наверх, а Эмма в мучительном одиночестве съела немного курицы, овощей, запила пуншем, ушла в спальню и приняла ванну.

Той ночью Фрэнк нежил её в ненасытной любви, и Эмма поняла, что сполна получила за испорченный ужин. Утомленная плотским, она заснула, счастливая и довольная, на его худенькой груди, а утром Фрэнк проснулся за полчаса до положенного часа и принёс ей в спальню кофе со свежими рогаликами. Они позавтракали с одного подноса, и никак не могли наговориться: один не уступал другому; хватались за всё, что приходило в голову, и пыл одного разгорался за счёт пыла другого.

Через неделю состояние Габриэлы улучшилось. Фрэнк пропадал в больнице целый день, и Эмма проводила с ней много времени, располагая к обоюдному пониманию и беседам. Они вместе вязали на спицах или вышивали. Габриэла показывала Эмме мастерство, отточенное худенькими руками. В свою очередь Эмма, не чураясь естественного, помогала ей менять постель, одежду и справлять нужду, на что Луиза Морган сердилась в разгоряченных письмах к Эмме. Не сдерживая негодования, Луиза срамила девушку за то, что

та неправильно поставила себя с О'Брайнами, раз её оценивают, как сиделку. По чванливому мнению матери, Эмма – девушка знатная и не для того родилась, чтобы служить на побегушках.

Взгляд Эммы сильно разнился с отлично скомпонованной позицией миссис Морган. Она нисколько не смущалась процедурам ухода за Габриэлой и выполняла долг человека, связанного второстепенным родством, без какой-либо брезгливости. Луиза сохраняла неумолимый тон в каждом письме.

Между тем близость Эммы и матери Фрэнка росла с невероятной силой. Эмма мирно слушала её и всем своим видом напускала покорность младшего поколения перед старшим. Ею двигало намерение заслужить признательность мужа, а умение сходитьсь с людьми – верный плюси́к к достоинствам молодой жены. Габриэла отметила, что Эмма обладала терпеливым нравом и хорошими манерами, и это сподвигло её на откровенность, равную исповеди. Речь пошла о несчастливом браке миссис О'Брайн, из чего Эмма узнала о свёкре.

Чарли отдавал себя на нужды высоких целей без остатка, любил соблюдать строгую, моральную размеренность во всём; при этом обладал импозантностью и позитивным запалом. Одно его присутствие разжигало в больном человеке свечу здорового духа.

Отношения Чарли и Габриэлы не поддавались анализу молодым разумом. Эмма видела в наступлении старости конец всему, что так волнует юнца в период цветения его кожи и

глаз. И главным образом приписывала зрелому возрасту лишение всякой сентиментальности. Неужели люди способны любить на границе сорока шести лет? Эмма смотрела на Габриэлу с недоумением, и последняя не представляла, какое смятение вносит в огненную душу невестки. Выслушивая сердечные изыски признаний, Эмма совокупила их в возмущительное предположение, что Чарли женился на Габриэле не по любви, а ради святого обязательства перед Богом и государством; число мужчин на земле значительно меньше женщин, и лишать семейного счастья хотя бы одну из печальной статистики было бы эгоизмом. По словам Габриэлы виделись они с Чарли на Рождество и именины, чем вполне довольствовался мистер О'Брайн. Он присылал ей раз в месяц письмо сердечного врача, твердившего, как важно сохранить здоровье в прилежном состоянии и не грешить с чревоугодием. Наблюдая, как эта тощая женщина без морщин и красотой греческой богини, не сумела выплеснуть огромную любовь, становилось интересно, каким чудом врач уберег себя от чар французской *belle femme*. Эмме показалось, что душа у Габриэлы не менее красива, чем лицо, а мудрость её не идёт ни в какое сравнение. Хотя Габриэла скромно призналась в другом своём качестве: несклонности к нравоучениям, и наглядности ради привела Эмме пример.

— Миссис Лоусен, наша соседка, на прошлой неделе спросила меня, что ей делать с миссис Найт, которая гнетется ссорой с кузиной и пришла к миссис Лоусен за советом, как раз-

решить междоусобицу. Я ей сразу сказала: "Люси, никогда не давай советов!". А потом разъяснила, что лучше бы миссис Найт прийти к кухне без предупреждения. Это склонит кухню к диалогу, которого у них давно не было, а диалог уже сгладит конфликт. Ей-богу, какая же глупая, эта миссис Лоусен! Она меня не послушалась не давать советов и продиктовала миссис Найт всё, что я сказала той накануне. В итоге кухня отказалась принять миссис Найт, и бедняга полчаса провела под закрытой дверью. Я тебе как на духу говорю, Эмма, никогда никому не читай морали и не раскидывайся советами!

Эмма восхищалась мудрой женщиной, а Габриэла ещё несколько раз повторила своё напутствие после того, как сказала, что девушке следует сменить причёску.

– В моде нынче короткие стрижки, и, по-моему, чёлка тебе не к лицу. Слишком ты юная становишься, и цвет волос хорошо бы зачернить. Я миссис Найт однажды сказала, что у неё много седины в бровях. Так она пришла домой и выдернула каждый белый волосок. Теперь у неё в бровях – большие прогалки, а я виновата во всех смертных грехах! Никогда не давай советов, милочка!

С полной серьёзностью Эмма впитывала мудрость Габриэлы и радовалась, что ей так повезло со свекровью. Они здорово ладили, и Фрэнк довольствовался их сближением. От этого весеннее чувство Эммы росло не только к супругу, но и к самой себе за достижение маленьких побед.

Весна подкралась в город французской размеренности. Ля-Морель распустился зеленью лугов огражденных парков в центре и лавандовыми полями на юге, вблизи лесов Нижнего Далласа. Морские просторы, тянущиеся на юго-западе маленького уютного городка, буйством нетерпеливых волн настигали укрепленный берег. В порту прибывали новые пароходы, рейсовые лайнеры: белые, с красной полоской на бортах, недовольно гудящие чёрной трубой. Чайки беспокойно кружили над водами, несущими пену подальше от себя. Воздух благоухал приходящими ароматами свежести и соленой влаги. Город волнующе суетился. Изнеженные женщины подвязывали пояски на плащах, хвастая шляпками на любой манер и вкус, от Шанель или магазина готовых головных уборов; они мелькали, как подвижная витрина модного дома, не давая забыть, что Париж на один шаг впереди планеты, а Ля-Морель – в самом близком его окружении.

Весна ускорила выздоровление Габриэлы. Она взялась преодолевать комнату, опираясь на трость, что позволяло делать многое, чего раньше не могла без невестки. У Эммы появилась уйма свободного времени, и Фрэнк в последние дни приходил к шести.

Оставив миссис О'Брайн на попечение проверенного Дональда и горничных, они отправлялись в театр на премьеры,

довольствуясь местами в партере, или брели на симфонический концерт, который Эмма вытерпливала лишь осознанием, как счастлив Фрэнк. Жертвенность окутывала её чувства кружевными узорами и придавала им высокого смысла.

Фрэнк пребывал в полном душевном восторге. Музыка возбуждала в нём жизнь, и он вёл неугомонные беседы с женой, как оратор, историк и литературовед. Долгие растянутые эпопеи утомляли Эмму, но собственная пылкая чувственность придавала ей мужества. В те минуты она рассматривала Фрэнка, как фотографию забавного, открытого человека, где его сведущестъ лишь золотая рама, приятно облегающая фотокадр. Как только музыкальное одушевление Фрэнка заканчивалось, и они шли вблизи портовой набережной, где под тенистыми буками шумели три фонтана в ряд, роли их менялись.

Придерживая супруга под руку, она не давала восторжествовать тишине, болтая о том, о сём, а Фрэнк, снисходительно улыбаясь, отделялся лаконичными восклицаниями. Её мягкий голосок певчей птички низвергался счастьем в момент рассуждений, как дивно им будет в Риме.

– Представляешь, мы увидим Колизей, – вскидывая голову, говорила она. – Увидим место, где много лет назад римляне развлекали свои жадные до зрелищ глаза! Кануло столько времени, что гладиаторские бои выглядят старым мифом. Но у нас есть шанс прочувствовать этот миф ворсинками души так, как сейчас чувствуем ясное небо над французской

землей; весенние побеги; зарождение новой жизни в чахлах ветках деревьев. Мы увидим итальянские плантации! Можно побывать в Тоскане. Я слышала, там непередаваемый закат! Он ложится на бескрайние поля красным золотом, что даёт сухим стеблям золотистый отсвет, и начинает казаться, что та земля – единственная мать вулканов, огня, свидетельница пролитой крови на сельских тропинках во время войны. Те яркие зелёные долины с невысокими холмами обширны и напоминают море, в котором катятся непохожие друг на друга волны. Удивительный край! Мне рассказывала о нём тетя Альда, она как раз живёт вблизи Тосканы. А ещё отправимся в Венецию! Заберёмся в гондолу, поплывем по узкому каналу безмятежной воды, будем вкушать вино под старые мелодии и глядеть, как в освещенных зданиях, окружающих воду, резвится мирная итальянская жизнь.

Поймав кураж от собственных видений, Эмма усердно украшала их жестами. Её намерением было пленить Фрэнка поездкой медового месяца, придать ей необходимого романтизма и тем самым воспламенить его чувства. Она заметила до свадьбы, что к поездке в Рим он относится с пренебрежительным равнодушием, будто бы едет только, чтоб не огорчить жену. Подобные наблюдения омрачили Эмму, которая, отнюдь – так хотела посетить Италию, что видела сны и проснувшись, хотела поехать ещё больше. Её ясно-голубые глаза светились счастьем. Молчание удлинялось, и Эмма, вспорхнув от собственных мечтаний, повернула голову к

Фрэнку. Он грустно смотрел вдаль.

– Дорогой, ты меня не слушаешь?

– Слушаю, – он вяло улыбнулся.

– Прости, прости! Я сегодня слишком много говорю. Ты бы знал, как сильно я хочу поехать. Я только и живу, вычеркивая дни до нашего отбытия. Правда, мы будем самыми счастливыми?

– Да, будет чудесно, – сухо вставил он.

– Чудесно?! Да это будет лучшее время в моей жизни! Мне хочется осмотреть всё! А ещё прикупить кое-что из украшений. Ювелиры там тоже рукодельные, как и художники, а также скульпторы... Ах, Фрэнк, там прошла целая эпоха выдающихся людей, и от этого бросает в трепет!

Не поднимая глаз, он шёл молча, и Эмма насторожилась.

– Фрэнк, что с тобой? Ты со мной не согласен?

Он оттягивал ответ паузой. Затем тон его речи преобразился в спокойную бездушную какофонию.

– Милая, нам придётся отложить поездку до июля следующего года. Летом у меня продолжится практика, а следующий год завершающий, и я получу диплом. Я не могу покинуть Морель сейчас.

Застопорившись на месте, Эмма в изумлении одернула свою руку. Фрэнк тоже остановился, устало поглядев на жену.

– Скажи, что это шутка, Фрэнк!?

– К сожалению, нет... Я вынужден остаться.

– Но как же так? Мы должны были ехать после свадьбы, потом отложили поездку до лета, а теперь... Пойми, прошедшие месяцы меня тешила мысль, что наше путешествие состоится. Я столько говорила с тобой о нём, и ты соглашался! – Она перевела дух. – Ты бессовестно обманул меня!

– Ты так говоришь, будто не обещаешь я тебе Рим, ты бы за меня не вышла.

– Возможно и так! – выпалила Эмма, но потом испугалась собственной неуравновешенности и реакции мужа. С раскатым видом она сделала к нему шаг и повисла на шее.

– Прости меня, родной, прости, – он ласково свел руки за её спиной, – я такая импульсивная! Но постарайся меня понять: ты причинил мне огромное расстройство. Я не могу смириться с тем, что не увижу Рим!

– Эмма, я правда сожалею. Мне сообщили только вчера. – Его добрые безобидные глаза сделались печальными, с тенью осознанной твёрдости. – Но тебе придётся смириться... Бросить практику сейчас было бы глупо. Я уже потратил столько времени и средств, что назад пути нет. К тому же мне нравится выбранная профессия, и отказаться от неё сейчас не могу. Нужно проявить немного терпения.

Эмма отскочила от Фрэнка, багровея от досады.

– Немного терпения? – вскричала она. – Я итак достаточно терпела за эти месяцы! Мало того, что вижу тебя украдкой, всего пару часов, когда хочу отдавать тебе целый день! Так ещё и должна намеренно отказаться от маленькой меч-

ты, которая озаряла дни ожидания тебя с больницы. Да ты, оказывается, эгоист, Фрэнк, и ты требуешь от меня слишком многого!

Из желания обнять её Фрэнк подошёл ближе. Скрестив руки на груди, она встряхнула головой и отвернулась лицом к фонтану. Вода упоительно журчала, убегая также быстро, как грезы Эммы уносились в даль несбыточных надежд. Ветки старых вязов спустились к верхушке фонтана, осторожно шелестя юной листвой. Слезы напирали на её глаза, но Эмма изо всех сил пыталась сохранять невозмутимость. Ещё мгновение Фрэнк помедлил. Часто дыша, Эмма продолжала театрально заявлять протест. Фрэнк заметил удивительную особенность своей жены: она была прекрасна и в злости, и в добром настроении. Глаза блестели в обоих случаях. Грудь выполняла заученный репертуар шумного дыхания. Она усиленно поджимала губы, собирая их вместе, как цветы собирают в маленький букет. От сего замечания Фрэнк смягчился, неожиданно посмеялся и насилу обнял её.

– Любимая...

– Оставь меня, Фрэнк! Ты поступил нечестно.

– Знаю, со мной тоже поступили нечестно. Умоляю тебя немного подождать. Мы съездим туда в следующем году. Всё же лучше, чем никогда.

Метнувшись взором к нему, Эмма глянула в лицо Фрэнку, и её беспокойный взгляд прояснялся надеждой.

– Обещаешь?

– Обещаю!

Год пронесся медленно и утомительно для Эммы, и в одно мгновение – для Фрэнка. Когда Габриэла полностью окрепла, а из последствий осталась только хромота, заставляющая искать опору под рукой, Габриэле стали посылать записки с приглашением на обед или ленч. Но перспектива поездки в транспорте её не прельщала, и она отказывала созывателям.

Однако, теперь временная неполноценность больше не служила поводом замкнутого существования. Габриэла буд-то очнулась от продолжительного сна, и начала собирать гостей у себя. Среди них мельтешили жены чиновников, биржевых работников, таможенников и военных офицеров. Дамы знатные, солидные, кичливые положением, глупые не по годам, сварливые, едкие как щелочь, разодетые и слишком придиричivé. Разговоры их Эмме были чертовски скучны, а Фрэнк стал возвращаться за полночь или под утро, а то и вовсе на следующий день. Конец учебного пути ознаменовался необходимостью акушерской практики. На тот момент рожениц в квартале Итон насчитывалось порядка десяти, и Фрэнк, получивший их на попечение, мог вернуться домой только по завершении родов. Приходил он чуть живой, опустошенный и, не вкушая пищи, поднимался наверх, чтобы успеть поспать. Ведь в любую минуту за ним могли прийти для родовспоможения.

В такие дни Эмма, оскорбленная одиночеством, не спускалась на приём и предпочитала оставаться без дотошных дам. Скука утомляла её хуже вечера в опере. Без особого желания она заходила в библиотеку и доставала с полки небольшой романчик в классическом жанре. Она пересилила себя прочесть десять страниц, а потом, к своему изумлению, уже не могла оторваться и просиживала часами в тихих стенах, где отдаленно слышался гам светских бесед.

Чаще всего Фрэнк приходил, когда Эмма уже спала. Тогда он целовал её, укрывал одеялом и ложился спать. Потом несколько дней никто не вызывал его к роженице, он освобождался раньше и шёл в кабинет для подготовки к последнему экзамену.

Однажды Эмма проснулась ночью и растерялась, не обнаружив рядом Фрэнка. Растерянность уступила место злости. Сколько можно оставлять её одну? Она обула комнатные туфли и бесшумно спустилась на первый этаж, где под лестницей по коридору находился кабинет.

Там, в свете ночной лампы сидел Фрэнк. Необычайно бледный, с большими глубокими синяками под глазами он ещё хлеще осунулся. В нём было не признать грубой мужской силы; он худенький, как тростника, и в сравнительной степени Эмма выглядела солиднее его. Она не могла уразуметь, зачем он так изводит себя. Ради интеллектуального развития? Профессии? Его пытливые глаза бегали по строчкам раскрытой книги, как жадные сыщики. А окружающая

обстановка кабинета будто давила на плечи Фрэнка полными стеллажами книг под потолок с разноцветными корешками. На столе с двух сторон, вплоть до его груди тоже высились учебники, и казалось, Фрэнк угодил в плен к этим грамотным толстым рукописям.

– Фрэнк, – тихо позвала его Эмма.

Он вяло поднял голову, и на лице опечаталось смутное недовольство.

– Я думал, ты давно спишь.

Эмма грациозно вошла. В белой длинной сорочке с широкими рукавами её тело просвечивалось; очертания груди угадывались сквозь мутный материал и смотрелись соблазнительно. Каштановые волосы, падающие массивные волнами тоже шептали соблазном.

– Да, я ждала тебя и уснула за книгой.

Эмма обошла стол и упёрлась в него ладонями. Фрэнк откинулся на спинку кресла, и Эмма ещё раз подметила, как похудело лицо мужа. И руки его стали худее, и запястье тоже худыми, как у голодающего бродяги.

– Похоже, книга изводила твоё любопытство, – усмехнулся Фрэнк, но Эмма опустила его иронию.

– Я прекрасно сплю за чтением, особенно под научные трактаты.

Фрэнк рассмеялся, но также устало, как и смотрел.

– Тебе нужно отдохнуть, – заметила Эмма, – нельзя работать постоянно. Работа убила не одну лошадь.

Она обвила его сильную шею и с вождением прильнула к нему. Дни её тянулись бесконечной лентой: серой, белой, розовой, но всё же лентой, и она сильно тосковала без Фрэнка. Ей требовались его теплые прикосновения, ласки, душеумиляющие слова, которыми тот не разбрасывался, а говорил раз в день. Она считала для несметных чувств одного признания недостаточно. Она хотела слышать их постоянно, ежечасно, ежеминутно! Но от Фрэнка исходило только спокойствие духа.

– Ложись спать, я скоро буду. Надо дойти до третьей главы. Прочитанное пригодится в завтрашней практике.

Эмму раздирало на две части, одна из которых – очень добрая и жалостливая, твердила, что супругу итак достаточно хлопот. Но её бушующая молодость, редкие встречи, заточение четырёх стен вдыхали в неё желание почувствовать себя нужной и любимой женщиной.

– Дорогой, твои знания никуда от тебя не денутся, – она поцеловала его и с улыбкой отпрянула.

– Ты ведь тоже не денешься, не так ли?

Простецкая улыбка Фрэнка подлила масла в огонь уже нагоревшей неприязни. Он много читал, постигал медицинские навыки, положения, но никак не мог разобрать, почему Эмма всегда кипит. Они женаты, в достатке, не больны – что ещё необходимо для искомого счастья? Кто поймёт этих женщин?

– Не говори так, Фрэнк, это оскорбляет меня. А я не буду

терпеть унижение!

– Ты слишком остро реагируешь. У меня и в мыслях не было тебя унижить.

– Но ты унижил! – Эмма подзадоривала сама себя, ей хотелось напасть за него за его пренебрежение к её женской природе. – Если я так тебе мешаю, мог бы не жениться!

– Чем дольше ты будешь пререкаться, тем позднее я приду в спальню.

Фрэнк говорил успокаивающим голосом, без насмешки и злобы. А Эмма слышала в его интонациях скрытое намерение обидеть. Он не дал повода думать, что она по-прежнему желанна. Её пленили злость и претензии. Сокрыв их в сердце, она бросила на мужа мучительный взгляд и молча покинула кабинет; а Фрэнк ещё долгое время – даже когда Эмма исчезла за дверью – смотрел ей вслед, задумчиво водя пальцем по странице распахнутой книги. Между ними пролегла стена недоговоренности.

Так продолжалось несколько недель. Фрэнк совершенно забегался. Больничные заботы отбирали у него силы. И он оживал только, когда видел, что ему всё удастся.

Эмма полностью зависела от настроения Фрэнка. Когда он приходил мрачнее зимнего неба, её легкость и приподнятость духа перегорали, как фитиль догоревшей свечи. Реже Фрэнк приходил невероятно веселым, беззаботно смеялся, и в те неповторимые дни Эммы получала все тридцать три удовольствия семейной жизни.

Поскольку трудился он допоздна, поехать куда-то развлечься было невозможным. Фрэнк уставал, тогда как Эмма извергалась энергией и кипучей жизнерадостностью. Фрэнк находил довольствие в книгах, Эмма жила только моментами ожидания мужа с больницы.

– Ты, наверно, меня совсем не любишь? – который раз упрекала она.

На что Фрэнк улыбался и нежно трепал её за розовую щёчку.

– Конечно, люблю. И вряд ли что-либо изменится.

Эмма утешалась, воскресала всем телом, а душа её улетала в далёкие просторы счастья. С невообразимым рвением она стремилась жить только для него, делать всё возможное для его комфорта и наивно думала, если любить его так сильно, как вообще никто никогда не любил, он тоже будет счастливым. Она не испытывала стыда за чувства, которые делали из неё пленницу. Ей захотелось воздавать ему элегии, быть для него несокрушимой опорой. Она осознанно подчиняла духу свою плоть. Фрэнк был для неё подобен Богу. Она приходила в восторг, когда массировала его плечи, а он листал "Star", и сердце её заходило от мысли, как приятно ему ощущать её неиссякаемую любовь.

В выходной день, следуя за ним ласковой кошкой, она устраивалась в гостиной, где Фрэнк читал, и забиралась к нему на колени, а потом сворачивалась чуть ли не клубочком на его груди. Тогда её душевные раны затягивались рубца-

ми прощенных обид, и дул ветер легкого спокойствия. Она гладила его руки, сидя в ногах супруга на подушке; покрывала его небольшие, с виду неуклюжие пальцы страстью своих нежных губ. Фрэнк с умилением глядел на неё, улыбался уголком рта, проводил рукой по щеке. В неугоду Эмме, для которой вечность рядом с ним – один короткий миг, долго в скованном положении он просидеть не мог.

– Поднимайся! Пройдёмся по саду, – говорил Фрэнк, поцеловав её в лоб.

– Разве тебе плохо здесь? – удивлялась Эмма. – Там ведь садовники, слуги и Лоусены, я не смогу тебя обнимать у них на глазах.

– Мы итак обнимаемся с полчаса. Пойдём подышим воздухом? Посмотри, как светит солнце.

– Ты хочешь от меня отделаться, да? – соленая влага на глазах Эммы была на подходе; она, не отрываясь, глядела на него. – Я тебе надоела!

Эмма отвернула голову, а по щекам покатались слезы. Фрэнк аккуратно поднял её за плечи.

– Ну что ты, родная!

Он привлёк её к себе. Она не поворачивалась лицом. Досадная обида гремела грозой в её душе. Почему он такой бесчувственный? Неужели не понимает, что она жаждет отдать ему каждую минуту своего существования? Хочет оставаться наедине, а на улице повсюду люди?

– Ты меня совершенно не ценишь! Моё сердце рвётся от

любви, а тебе всё равно! Ты постоянно работаешь, учишься, а я заперта дома и только и жду наступления субботы. А тебе даже один выходной со мной в тягость!

– Может, я и правда суховат, не умею проявлять свои чувства, как ты, и не раскидываюсь признаниями. Но моё сердце принадлежит тебе с самого первого дня.

Она устремила лицо к нему, а глаза ещё потопляли буйные слезы, сквозь которые просочилась радостная улыбка.

– По-настоящему любишь?

– По-настоящему!

– Сильно-сильно?

– Да, очень сильно.

Её снова опутывали сети наслаждения до тех пор, пока слова – уверения Фрэнка в ответных чувствах не гасли в её памяти. И тогда снова в каждом поступке Фрэнка она видела оправдание, что он меньше привязан к ней, чем она к нему. Это её оскорбляло.

"Какая же я несчастная! Он точно меня не любит! Не любит... – обречённо бормотала она после того, как Фрэнк поцеловал её один раз перед ужином вместо желаемых десяти. Эмма не понимала, почему Фрэнк не изобилует чувствами. Она тянулась к нему губами при всякой возможности. Фрэнк был скромен и сдержан, а Эмма – ненасытна. Ей было в удовольствие прижиматься к нему ночью, а Фрэнк старался незаметно отстраниться, когда она засыпала.

Как-то раз Эмма, заметив это, вышла из себя и спросила:

– Почему ты не обнимаешь меня ночью? Нет ничего приятнее, чем спать в обнимку.

– Ты серьёзно? – улыбался Фрэнк.

– Разве ты так не думаешь? – Эмма подготовилась к нападкам, заподозрив в интонации супруга желание посмеяться.

– Ну, само собой обниматься – это очень хорошо... Но спать – ужасно неудобно и жарко. Ей-богу, твои ноги полыхают, как камин! У меня ступни потеют и жар стоит до самых костей. – Фрэнк посмеялся, надеясь разбавить напряжение диалога. Но Эмма глядела сердито. – Я постоянно просыпаюсь. Да и ты, вижу, ворочаешься. Сон нужен для восстановления сил, а когда мы всю ночь обнимаемся, я встаю разбитым, будто не спал.

– Нет, дело не в этом, Фрэнк. Ты просто меня не любишь так, как я тебя люблю! Я хочу находиться в твоих объятиях, гладить твои руки, целовать твои губы, потому что люблю. А твоя любовь выглядит странно. Ты быстро устаёшь от меня и никак не дождёшься уйти в больницу, к приятелям или ещё черт знает к кому, лишь бы не быть со мной в одной комнате. Вот какая твоя любовь!

– Эмма не говори глупостей. Да, психология нашего внутреннего пространства разная, но это ничего не доказывает. Любовь проявляется не только в поцелуях, объятиях и словах. Я добр к тебе, проявляю заботу, стараюсь не расстраи-

вать всеми силами. Разве это не любовь?

— Никогда не говори мне, что я несу глупости, — Эмма подскочила с кровати, стискивая зубы. Фрэнк опираясь на подушки недоуменно глядел на Эмму. Он и правда не понимал, почему она, как с цепи сорвалась. — Я и так знаю, что ты считаешь меня дурочкой. Я не позволю так с собой обходиться!

— Милая...

— Не хочу больше с тобой говорить.

Эмма демонстративно легла, отвернулась и погасила ночную лампу. Фрэнк попытался обнять её.

— Дорогая, я не хочу ссориться из-за пустяков.

— Пустяки? — Эмма усмехнулась, сбрасывая его руку. — Наши чувства для тебя пустяки? Вот тебе и доказательства!

— Эмма...

— Доброй ночи, Фрэнк.

Раздосадованная непониманием мужа, Эмма умирала дыхание, а сердцем надеялась, что Фрэнк так скоро не сдаться: начнёт уговаривать её, попросит извинений, расцелует и вопреки её воле прижмет к себе.

Но Фрэнк полностью потушил свет и тоже отвернулся. Эмма слушала, как резво стучит её сердце. Она чувствовала моральную слабость. Слезы накатили под закрытыми веками. Она ждала, всё больше убеждаясь, что напрасно.

Вскоре тихое сопение подтвердило, что Фрэнк уснул. Ей стало нестерпимо без его поцелуя. Рыдания подступали к горлу. Она понимала, что виной необоснованной гордости

обрекла себя ждать до следующего вечера. А это целых девятнадцать часов ожидания! Эмма повернулась к Фрэнку. В своей слабости она уже собиралась поддаться раскаянию, извиниться, лишь бы заполучить желаемое. Но было поздно – Фрэнк мирно спал. Она долго крутилась в постели, пока сон не нагрянул к ней тревожным сумраком.

Открыв глаза по утру, она дотошно принялась рыться в воспоминаниях и заметила для себя болезненный факт: муж никогда не страдал страстью, равную той, что питает Эмма. Он дарил ей нежность рукопожатия, обращался к ней с дружеской теплотой, но никогда не изливался в любви до вечности в лиричной многословной форме. Её лицо полыхало красками, когда она убедила себя, что Фрэнк никогда не любил её всерьёз.

Она была безутешна и снова рыдала, заперевшись от Габриэлы, попивающей чай с миссис Р., которую призывала никогда не раскидываться советами. В отместку за ночные страдания Эмма решила не спускаться вечером к приходу Фрэнка, как то делала обычно.

Он пришёл и, не отужинав, сразу поднялся к ней. Она взяла газету, делая вид, что читает. Улыбаясь, Фрэнк сел у её ног на кушетку. Эмма невозмутимо водила глазами по одной строчке.

– Эмма...

Она не отрывалась.

– Эмма, прости меня... Я не хотел ссориться с тобой.

– Но всё же поссорился, – с каменным лицом она уверенно перевернула страницу.

– Да, я поступил глупо. К сожалению, я не всегда могу правильно выразить свои мысли. В этом моя беда...

– Может твоя беда в том, что женился ты не по любви?

– Но и не по расчёту, – мягко сказал Фрэнк, и Эмма поперхнулась воздухом, вперив в него лютые глаза.

– Я сожалею, что обидел тебя, и я не считаю наши чувства пустяками.

Эмма снова поглядела в газету, всё ещё злобно поджав губы. Он схватил её руку и прижал к сердцу.

– Я был не прав. Ради Бога прости меня!

Эмма посмотрела в его честные бескорыстные глаза и поняла, что больше не может играть непоколебимость. Растрогавшись, она бросилась к нему на грудь.

– Ах, Франк, я тоже не хочу ссориться, – жалобно сказала она. – Знал бы ты, как я страдала той ночью без твоих губ. Прошу будь ко мне терпимее! Я не вынесу, если ты меня разлюбишь.

– Я не разлюблю.

– И будешь любить вечно?

– Конечно.

Она ответила ему поцелуем, и на некоторое время снова успокоилась.

Иногда её ужасало огненное влечение к мужу. Она до смерти боялась, что Фрэнк устанет от частых скандалов и по-

даст на развод. Что ей тогда делать без него? В цвете лет она не привила себе любовь ни к одному земному увлечению. У неё было только ожидание, вошедшее в тяготящую привычку. Всё, что ей дорого, было сосредоточено вокруг Фрэнка. А он, усугубляя ситуацию, неизменно покидал больничные стены не раньше девяти, и терпение Эммы приходило в износ.

Редкий случай он выбирался раньше обычного, но до спальни жены не доходил – внизу его перехватывала мать. Они долго беседовали в гостиной, распивая чай вдвоём, не заботясь позвать Эмму в компанию. Габриэла, подстрекаемая правотой мужа о вреде алкоголя, не позволяла себе больше бокала шампанского или вина, но хмелела очень забавно, начиная сыпать вопросами на сына. Фрэнк был обходителен и никогда не позволял себе разговаривать с ней заносчиво.

Ожидая его в спальне Эмма злилась. Теперь чем меньше они виделись, тем меньше разговаривали. Рассказы Эммы о путешествиях, морях и океанах не увлекали Фрэнка. А Эмма, всё больше убежденная, что муж равнодушен к ней, не трогалась его долгими медицинскими полемиками с самим собой, новостями из жизни театра и музыки. Ах, если бы он только любил её той же неизмеримой меркой, она бы слушала его речи о чём угодно! Но он безразличен, и любовный энтузиазм молодой миссис О'Брайн постепенно угасал.

По сущности своего естества Фрэнк был наделен спокойным рассудительным нравом, любил доводить любое дело

до конца, предельно анализируя всякие исходящие последствия. Он никогда не разрешал себе пойти на необоснованный риск, и каждое решение взвешивал по десять раз. В противоположность Эмма обладала вспыльчивым темпераментом, усугубленным молодостью, и почти что полностью была лишена рассудительности. Потому придиричивая щепетильность Фрэнка легко выводила её из себя.

Как-то в пятницу они прошлись по магазинам, и Эмма углядела большую статуэтку римского легионера. Фрэнка смутило, что эта вещь была почти с него ростом, а меч легионера торчал на два фута.

– Послушай, мне кажется, она не сильно подходит к нашим обоям, – уклончиво заметил Фрэнк, не найдя более подходящего оправдания её не покупать. – Давай ещё подумаем, а завтра вернёмся сюда и купим её.

Предлагая возвратиться на следующий день, Фрэнк надеялся, что за ночь порыв Эммы исчезнет, и она передумает приобретать такую ненужную громадину.

– Ты что, Фрэнк, от неё прямо Италией пахнет! Прошу, давай её купим!

– Но она займёт весь угол у окна, где стоит мой письменный стол.

– Ну и что. Между прочим, стол там не к месту.

– Но я работаю там изредка. Это самое подходящее место для работы: там самое хорошее освещение.

Тут вмешался торговец, снизив цену вдвое. И Эмма стала

уговаривать его ещё сильнее.

– Умоляю, Фрэнк, что тебе жалко сделать для меня такую малость? Она мне так нравится. Я буду смотреть на неё и думать о Риме.

– Дело не в этом, милая. Ты сама представь, как она будет там смотреться. Вот мы её поставим, а потом ты пожалеешь, что её купила. В комнате станет тесно.

– Так вы будете брать? – уточнил торговец, водя глазами от одного к другой.

– Нет, мы ещё подумаем, – мягко ответил Фрэнк, а Эмма разозлилась.

– И не покупай. Не обязательно было придумывать отговорки, чтобы скрыть свою жадность.

Они окончательно рассорились и вернулись домой в молчании. Однако, вечером Фрэнк привёз статую и убрал из спальни свой письменный стол. Покупка действительно скрадывала не только место, но и свет. В спальне стало темно и немного мрачно, что приходилось включать светильники раньше времени. Фрэнк оставался спокойным и с улыбкой поглядывал, как Эмма приноравливается у туалетного столика, чтобы разглядеть себя в полумраке, созданном статуей мраморного легионера. Через неделю, не выдержав вечного неудобства, Эмма, не глядя на мужа, уязвленно сказала.

– А нельзя переставить эту... статую в другое место?

Фрэнк оторвался от учебника и едва сдерживал улыбку.

– А в чем дело? – будто не понимая, уточнил он.

Эмма встала перед ней в позу.

– А разве не видно?

– Нет.

– Она мешается здесь.

Фрэнк отложил учебник и, всё ещё сдерживаясь от улыбки, обнял её со спины.

– Только не надо говорить, что ты предупреждал, – обиженно сказала Эмма. – Я сама всё поняла.

– Ладно, не буду.

Они помирились. Статую Фрэнк отослал Огюсто в Лондон, и тот был в полном восторге, поставив её в своей художественной мастерской.

Эмма долгое время ходила с неприятным осадком на душе от того, что всё так неуклюже обернулось. Жизненный урок был ею усвоен, но большой минус таких уроков состоит в их скоротечном действии. Эмма продолжала принимать поспешные решения, а Фрэнк упорствовал, когда видел всю их невразумительность. Их ссоры становились частым явлением, и взаимопонимание оказалось под угрозой.

А потом был случай, когда в доме частым гостем стал Роберт Харли. Фрэнк устраивал его в кабинете, и несмотря на поздний час они долго играли в бридж, смеялись как неразлучные братья, пили виски и угощались трубкой. Слыша доносящееся снизу веселье, Эмма приходила в исступленную ярость, слонялась по комнате, разодетая в атласную сорочку с целью впечатлить мужа своей красотой. Сознывая, что

Фрэнку куда приятнее общество мистера Харли, она крепко поджимала губы от досады, зная, что ничего не сумеет предпринять.

Недовольство Эммы копилось. И в тот день, когда запас её ограниченного терпения подошёл к концу, она спустилась на обед в полном беззвучии. Габриэла обедала у соседей, и им было накрыто на двоих. Фрэнк сразу подметил её молчаливость.

– Ты сегодня какая-то тихая. Что-то случилось?

– Нет, абсолютно ничего нового, – Эмма усиленно держала взгляд в пределах своей тарелки.

– Я же вижу, что-то не так.

– Серьёзно? – она усердно пилила мясо ножом. – А по мне так всё превосходно: прозябаю в четырёх стенах, а ты замечательно проводишь время с мистером Харли. Полная идиллия брака.

Фрэнк отложил столовый прибор. Ему всегда приходилось постараться, чтоб уяснить намеки жены, которых не понимал.

– Так всё дело в Роберте? – помолчав, он посмотрел на Эмму.

– Если угодно, – огрызнулась она.

– Я и не знал, что Роберт тебе не нравится... – он недолго помолчал. – Однако, мы давние друзья, и только из-за того, что он тебе неприятен, я не могу порвать с ним отношения.

– Разумеется. Скорее ты бросишь меня, чем его. Тебе с

ним куда интереснее обсуждать ваши медицинские положения, органы, кишечник или что там ещё.

Фрэнк молча встал, отдавая Эмме суровый взор.

– Ну знаешь ли... Это уже слишком.

Эмма со всех сил сжала кулаки в то время, как муж поднялся по лестнице. Они не разговаривали несколько дней, и только при Габриэле создавали эффект дружного семейства. Эмма смягчилась и уже подумывала, что Фрэнк тоже всё обмозговал. Но вскоре грянул удар.

В воскресенье Фрэнк также закрылся в кабинете с Робертом. Она раскипятилась, и тогда ей в голову пришла вздорная идея. Она одела шелковый пеньюар, обнажающий длину её стройных ног, подмазала губы яркой помадой, распустила волосы так, чтоб они падали пышными волнами до груди и пришла в кабинет. Обходя условность, что перед тем, как войти необходимо стучать, Эмма открыла дверь и бесцеремонно поздоровалась.

– А я и не знала, что у Фрэнка гости, – соврала она, обольстительно улыбаясь.

Сидя в дальнем кресле у стеллажа, Фрэнк прямо обомлел, смерив жену быстрым взглядом с пяток до макушки, и чем выше поднимались его глаза, тем суровее становился взгляд. Роберт Харли, зубами придерживая трубку, тоже пробежался по ней открытым взором неосознанного поступка, от которого покраснел.

– Зачем ты пришла? – враждебно спросил Фрэнк.

– Хотела позвать тебя в постель. Разве жена не имеет на это права?

Бледнея как мертвец, Фрэнк почувствовал скомязину и подлетел к Эмме, с силой хватая её за локоть.

– Бесстыжая, что ты творишь!? Я попрошу тебя удалиться!

Щеки Эммы пылали хлеще заката.

– Конечно, ты можешь мне приказать, но я не рабыня, чтоб подчиняться хозяину.

– Пошла прочь! – ясные глаза Фрэнка налились кровью, но Эмме нравилось, что сумела задеть его чувства.

– Я уйду, когда захочу.

Она вырвала руку, едко кривя губы.

– Вот теперь пойду, – она вышла за дверь, не забыв хлопнуть ею.

Фрэнк перевёл стыдливый взгляд на Роберта. Тот, оставаясь в неизменной позе: в пол-оборота в кресле, пару раз пыхнул трубкой и ни слова ни проронил. Сам до конца не давая отчета собственным словам и чувствам, Фрэнк вернулся в кресло. Мысли покинули голову – он сильно нервничал. В приятельские отношения с Робертом ещё никогда не всплывала устыжающая неловкость. Его беспокойные глаза искали, куда скрыться, лишь бы не видеть многозначное лицо Роберта; они словно налились свинцом, и в силу призрачной тяжести Фрэнк не мог их поднять на приятеля. Не отвлекаясь от курительной трубки, Роберт пускал дым и аккуратно

поглядывал на друга. У Фрэнка груз с души свалился, когда Роберт завел ранее прерванную беседу как ни в чем не бывало.

Эмма залетела в спальню и хоть и брала в расчёт неактуальность показательного выступления без участия в нём Фрэнка, всё равно сгоряча хлопнула дверью. Она не задумывалась, что шум потревожит миссис О'Брайн, тоже покинутую сном. И двумя минутами позже, когда Эмма сидела на кровати, злобно дышала и смотрела в тусклое окно, где дождевые капли барабанили по стеклу, кто-то постучался в спальню.

– Эмма, у тебя всё в порядке? – поинтересовалась Габриэла.

– Да, мадам.

– Почему дверь хлопнула?

– Я открывала окно, и её закрыло сквозняком, – оправдалась Эмма.

Не располагая охотой говорить, она чаяла, что Габриэла уйдет. К тому же ей было стыдно показаться перед свекровью в непристойном виде. Нет никаких надежд, что зрелая женщина одобрила бы развращенность девушки, пусть даже направленную на собственного мужа.

Габриэлу, стоявшую за дверью, угнетали дурные опасения. На улице безветрие, откуда взяться сквозняку, подумалось ей.

– Я могу войти? – вновь спросила Габриэла.

– Одну минутку.

Испугавшись свекрови, Эмма бросилась к туалетному столику, стёрла помаду и накинула халат. Ручка двери повернулась, и вошла Габриэла. Стыд приукрасил щеки Эммы, а глаза испуганно горели. Изучающим любопытством Габриэла прошлась по Эмме.

– Как сильно пахнет духами... Ты куда-то собиралась?

– Нет, – сорвала Эмма, говоря, как можно спокойнее, – я недавно приняла ванну.

– И потом открыла окно? – лицо Габриэлы было непредвзято, но Эмма ощущала, что та подозревает её в обмане.

– Да, было очень душно.

Габриэла оглядела расправленную постель и столик и вернулась взором к Эмме.

– Фрэнк ещё внизу? – уточнила она.

– Да.

Габриэла раздобрилась в улыбке.

– Моя дорогая. Фрэнк сейчас сильно загружен, и ему необходимы разрядка и покой. Пойми, он не совершает ничего скверного, когда проводит время с Робертом. Это лучше, чем он шатался бы по ресторанам и барам, где у тебя не было бы возможности за ним приглядеть. Роберт Харли – полезный молодой человек, мыслитель, их общение пойдёт Фрэнку на пользу. И ты, как мудрая жена, должна войти в его положение. И если тебе кажется, что муж уделяет тебе мало внимания, просто выбрось это из головы! На наш стыд

и грех, мужчин сварили по другому рецепту, и порой то, что нас оскорбляет, оскорблять не должно в силу непреднамеренности их поведения. Они другие – мы должны всегда об этом помнить. Поверь, таким образом люди избегают множества недоразумений. Вы должны наслаждаться друг другом, а не браниться.

Эмму пленила вспышка гнева. Ей казалось возмутительным, что в её жизнь вмешиваются посторонние. Вдобавок она знала, что при всей своей красноречивости никогда не сможет убедить свекровь в её необъективности. Ведь какая мать встанет на сторону чужого человека, когда тема касается её собственного сына? Мысленно прокрутив это, Эмма отказалась от какой-либо идеи делиться семейными разногласиями. Ей хватило духу овладеть собой.

– Вы правы, – подтвердила Эмма. – Ничего страшного.

– Вот и умница, – Габриэла положила руки на плечи Эммы и улыбнулась. – Тебе ли не знать, что ссоры ни к чему хорошему не приведут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.